

А.Н. Иванова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ИЗМЕНЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ
В 1861–1914 ГГ. НА ПРИМЕРЕ
ЦЕНТРАЛЬНО-
ПРОМЫШЛЕННОГО
РАЙОНА

Монография

издательство
православия

Анна Иванова

**Социокультурные изменения
в российской деревне в 1861–
1914 гг. на примере Центрально-
промышленного района**

«Прометей»

2018

УДК 930.2
ББК 63.2

Иванова А. Н.

Социокультурные изменения в российской деревне в 1861–
1914 гг. на примере Центрально-промышленного района /
А. Н. Иванова — «Прометей», 2018

ISBN 978-5-907003-85-9

Монография посвящена анализу социокультурных процессов в российской деревне в период после отмены крепостного права и до начала Первой мировой войны. На основе изучения архивных материалов Московской, Владимирской и Тверской губерний Центрально-промышленного района, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, автор выявляет две взаимосвязанные, но во многом, противоречащие друг другу тенденции, одна из которых была связана с сохранением и укреплением существующих традиций, а другая вела к ломке традиционной крестьянской культуры и возникновению на селе элементов новой, массовой культуры. Выявляется влияние модернизационных факторов на нравственные установки и социальные представления крестьян, изменение отношения крестьян к образованию, эволюцию культурных потребностей и их самоидентификацию в российском обществе. Многие вопросы рассматриваются впервые в отечественной историографии. Для всех интересующихся отечественной историей.

УДК 930.2
ББК 63.2

ISBN 978-5-907003-85-9

© Иванова А. Н., 2018

© Прометей, 2018

Содержание

Введение	7
Глава 1. Социальный облик пореформенного крестьянства	22
§ 1. Общинный мир пореформенной деревни – основа традиционной социокультуры крестьянства	22
§ 2. Православная церковь и крестьянство	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Николаевна Иванова
Социокультурные изменения в российской
деревне в 1861–1914 гг. на примере
Центрально-промышленного района

© Иванова А.Н., 2018

© Издательство «Прометей», 2018

* * *

Введение

В России во второй половине XIX – начале XX вв. под воздействием реформ и культурно-просветительной работы земской интеллигенции в крестьянской общине начались важные социокультурные процессы, расшатывавшие ее патриархальные устои и традиционную культуру сельского мира. Менялись культурные потребности и духовные ценности крестьян, их представления об окружающем миропорядке, что способствовало новой самоидентификации крестьянства в модернизирующемся российском обществе. Заметнее и интенсивнее эти процессы происходили в губерниях Центрально-промышленного района, что определялось быстрыми темпами его индустриализации и урбанизации.

Для историков, социологов и культурологов проблема исследования социокультурной модернизации различных слоев российского общества, в том числе и крестьянства, актуализировалась в 1990-е гг. Термин «*социокультура*» в числе первых ввел в научный оборот русский философ и социолог П.А. Сорокин, но он не дал этому понятию полного определения. В настоящее время под «социокультурой» понимают определённую культурно-историческую среду, которая формирует психологию, нравственные, культурные ценности, мировоззрение и социальные представления определенного социума. В переломные эпохи в жизни общества под воздействием новых факторов традиционная социокультура подвергается изменениям, в ней появляются и получают развитие различные культурные новшества.

Несмотря на наличие большого количества трудов дореволюционных и современных историков по крестьяноведению, социокультурные аспекты русского крестьянского мира на рубеже XIX – XX вв. по существу ещё полностью не изучены. Исследование этой темы на материалах трёх центральных губерний промышленного региона России: Владимирской, Московской и Тверской имеет актуальность и научную значимость, поскольку впервые становится объектом специального изучения.

Эта проблема особенно актуальна и научно значима для периода социального разлома российского общества конца XX – начала XXI вв., так как без глубокого понимания особенностей сельского образа жизни, традиций и менталитета крестьян невозможны успехи в реформировании аграрного строя современной России. Актуальность данного исследования определяется и тем, что изучение социокультурного облика крестьянства даёт возможность отказаться от еще бытующих представлений о крестьянстве как о «темной», «невежественной» и «забитой» части российского общества, позволяет воссоздать более цельную картину социальной истории России на рубеже XIX – XX вв.

В последнее время для объяснения событий в России конца XIX – начала XX вв. особенно активно используется теория модернизации и так называемая «социальная история», предметом изучения которой является история отдельных групп, слоёв населения и регионов. Проблема осмысления исторических судеб крестьянства и его роли в истории России привели к возникновению такого научного направления, как крестьяноведение, в рамках которого важное место отводится историческим исследованиям регионального характера.

Историография проблемы

История и перспективы развития крестьянской общины пореформенного времени, жизнь и быт крестьян всегда были в центре внимания историков, этнографов, социологов и публицистов. По данным Б.Н. Миронова, по этой проблеме до 1917 г. было издано около трёх

тысяч книг и статей¹. Более полная информация о литературе по проблеме развития крестьянской общины в пореформенный период представлена в историографической работе С.М. Дубровского².

Исходя из утвердившихся в последнее десятилетие принципов периодизации исторических исследований, в историографии темы можно выделить три периода: *российский дореволюционный* (до 1917 г.), *советский* (20—80-е гг. XX в.) и *современный* (с начала 90-х гг. XX в.), которые различаются между собой методологическими подходами, кругом изучаемых проблем, состоянием источниковой базы.

Начало *историографии русской пореформенной общины* положили исследователи-народники В.П. Воронцов, Н.П. Дружинин, К.Р. Качоровский, А.А. Кауфман, В.С. Пругавин, И.Г. Оршанский и другие. Они собрали и систематизировали фактический материал об общине, главную функцию которой видели в уравнительных пределах земли. В своих трудах эти авторы отметили некоторые социокультурные аспекты общинного крестьянства: патриархальность, уравнительную психологию, негативное отношение к частной собственности на землю и к богатству, роль обычного права в жизни крестьян³. В то же время ряд исследователей проявил интерес к *традиционной культуре крестьян, к их бытовому укладу, нормам поведения, обычаям и обрядам*⁴. Эти работы ещё не носили исследовательского характера и представляли в основном статьи, в которых описывался различный этнографический материал и народный фольклор.

Во второй половине XIX – начале XX вв. вышли работы, посвящённые *роли православной церкви и приходского духовенства в российском обществе*. В 1860-е гг. известный духовный автор Д.М. Ростиславов отмечал, что белое духовенство из-за своей замкнутости, неканонического поведения отдельных представителей и влияния раскольников начинает терять уважение во всех сословиях, в том числе и у крестьян⁵. В литературе этого периода в основном освещались государственно-церковные отношения, а духовное сословие было представлено безотносительно к крестьянскому миру⁶.

В связи с легализацией старообрядчества в начале XX в. у исследователей появился интерес не только к истории, но и к его современному положению, *влиянию старообрядчества на крестьян и промышленников*. По данным А.С. Пругавина и И.А. Кириллова крестьяне-старообрядцы селились компактно в Московской и Владимирской губерниях, меньше их прожи-

¹ Миронов Б.Н. Историк и социология. М., 1984. с.59.

² См.: Дубровский С.М. Российская община в литературе XIX – начала XX в.: (Библиографический обзор). // Яцунский В.К. (ред.) Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. с.348–361.

³ Воронцов В.П. Крестьянская община. // Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. М., 1881; Пругавин В.С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888; Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. СПб., 1877; Дружинин Н.П. Очерки крестьянской общественной жизни. СПб., 1905; Качоровский К.Р. Народное право. М., 1906; Он же. Крестьянская община (что она такое и к чему она идёт?). М., 1908; Кауфман А.А. Русская община в процессе её зарождения и роста. М., 1908; и др.

⁴ Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда. // Этнографический сборник Российского географического общества. Вып.1. СПб., 1853; Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып.1. Обычное право. М., 1884; Добрынкин Н.Г. Жизнь, нравы и обычаи крестьян в Меленковском уезде: Этнографический очерк. // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т.1. Вып.1. Владимир, 1875. с. 69—118; Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т.2. Всенародная агрономия. СПб., 1905; Астырев Н.М. Праздники в крестьянском быту Московской губернии. // Статистический ежегодник Московского губернского земства за 1887 год. М., 1887; Зобнин Ф. Игры. // Живая старина. Вып.3–4. М., 1896. с. 538–542; Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии. // Этнографический обзор. Издание этнографического отдела императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, сост. при Московском университете. № 3–4. М., 1914. с. 81—178; Весин Л.П. Современный великоросс, в его свадебных обычаях и семейной жизни. // Русская мысль. 1891. № 9—10. с. 59–88.

⁵ Ростиславов Д.М. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866. С. 374–398.

⁶ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформ Петра. Казань, 1873; Доброклонский А.П. Руководство по истории церкви (1700–1890). Вып.4. М., 1893; История христианской церкви в XIX в. Т.2. СПб., 1901; Мельгунов С. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести): Сб. статей. Вып.1. М., 1907; Верховский П.В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX столетиях. Варшава, 1912.

вало в Тверской губернии. Все авторы отмечали, что крестьяне-старообрядцы были более грамотными и строже соблюдали религиозные каноны, чем крестьяне-приверженцы официальной церкви.⁷

В досоветской историографии наибольшее внимание исследователей привлекал *процесс становления и развития системы народного образования на селе*. Авторы этих работ были видными либеральными земскими деятелями и представителями демократической научно-педагогической общественности, многие из них занимались практическими проблемами народного образования. Источниковую базу их работ составляли земские обследования, отчеты и статистические материалы уездных и губернских управ. Большинство работ носило публицистический характер. В числе первых изучением состояния сельских школ занимались С.А. Рачинский, Ф.Ф. Ольденбург, И.П. Боголепов, которые на основе земских подворных переписей в Московской и Тверской губерниях исследовали состояние школьной сети, численность учителей и учащихся, отношение крестьян к обучению детей.⁸ Среди работ по этой теме необходимо выделить исследования А.С. Пругавина, показывающие динамику численности школ и учащихся, охват обучением детей в селах Владимирской, Московской и Тверской губерний. Он отмечает более высокий уровень грамотности крестьян в промышленных и старообрядческих селениях, разбирает причины негативного отношения крестьян к обучению девочек.⁹

В начале XX в. в связи с обсуждением вопроса о введении всеобщего начального обучения и реформирования системы народного образования появляются работы обобщающего характера. В трудах Н.В. Чехова и Г.А. Фальброка показана политика правительства в области народного образования, отношение властей к церковноприходским и земским школам, вклад земств в школьное дело, численность школ и учащихся во всех типах начальных школ, состояние педагогических кадров.¹⁰ Большой резонанс у педагогической общественности вызвали сборник статей, выпущенный тверским земским деятелем князем Д.И. Шаховским, и работы члена Петербургского комитета грамотности В.И. Чарнолуцкого, в которых ставился вопрос о введении всеобщего обязательного начального обучения, были представлены различные концепции реформы и организации школьного дела.¹¹ В связи с 50-летним юбилеем учреждения земств вышли работы о вкладе земств в развитие народного образования на селе.¹²

Новые социокультурные явления в деревне изучаемых губерний на рубеже XIX–XX в. рассматривались в работах А.С. Пругавина, В.П. Вахтерова, В.И. Чарнолуцкого, А.А. Громбаха. Они отмечали большой вклад земской интеллигенции в культурно-просветительную работу среди крестьян. На основе анкетирования крестьян, проведенного учителями, авторы пришли к выводу об изменении читательских запросов крестьян.¹³ Эти же изменения отмечали

⁷ Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерк из новейшей истории раскола. М., 1904; Мельников Ф.Е. Церковно-общественная жизнь старообрядчества за 1910 г. // Церковь. 1911. № 3; Андерсон Вл. Старообрядчество и сектанство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия. М., 1913; Кириллов И.А. Статистика старообрядчества. М., 1913; Сенатов В. Основы старообрядчества (философско-психологические наброски). // Церковь. 1914. № 12,13; и др.

⁸ Боголепов И.П. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Народная грамотность в Московском уезде. Т.1. Вып.2. М., 1882; Он же. Грамотность детей школьного возраста в Московском и Можайском уездах Московской губернии. М., 1894; Рачинский С.А. Заметки о сельских школах. СПб., 1883; Ольденбург Ф.Ф. Народные школы Европейской России в 1882–1892 гг. Статистические очерки. СПб., 1896.

⁹ Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. М., 1895; Он же. Промыслы Владимирской губернии. Вып.2. М., 1882.

¹⁰ Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912; Фальброк Г.А. Всеобщее образование в России. М., 1908.

¹¹ Всеобщее образование в России. Сборник статей. Под ред. князя Д.И. Шаховского. М., 1902; Чарнолуцкий В.И. Итоги общественной мысли в области народного образования. СПб., 1906; Он же. К школьной реформе. М., 1908; Он же. Основные вопросы организации школы в России. СПб., 1909.

¹² Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земской управы Тверской губернии (1864–1913 гг.). Тверь, 1914; Он же. Всеобщее обучение и земство. // Юбилейный земский сборник. М., 1914.

¹³ Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. М., 1896; Народные чтения. СПб., 1897; Пругавин А.С. Книгоноша и офени. М., 1896; Чарнолуцкий В.И. Основные вопросы организации внешкольного образования в России. СПб., 1909; Еже-

Н.А. Рубакин и А. Смирнов.¹⁴Медико-санитарное просвещение крестьян, роль земской медицины в охране здоровья сельского населения и положительное отношение крестьян к медицине освещались Д.Н. Жбанковым и К.М. Языковым.¹⁵

С появлением в деревне кружков любителей драматического искусства и небольших народных театров, создаваемых по инициативе сельской интеллигенции и профессиональных актеров, стали выходить работы организаторов и специалистов по народным театрам Н.В. Скородумова, И. Щеглова, В.В. Тихоновича, которые по-разному оценивали роль деревенских театров в эстетическом воспитании крестьян.¹⁶

Таким образом, эти исследователи заложили основы для изучения социокультурных аспектов крестьянского мира.

Для *советской историографии* характерно обращение исследователей к особенностям эволюции аграрного строя России конца XIX – начала XX в., участию крестьян в революции 1905–1907 гг., влияние столыпинской реформы на развитие крестьянского мира. При всех различиях в трактовке аграрного строя России и эволюции крестьянской общины советских историков объединяло единство методологии.¹⁷

В этот период в основном изучались проблемы становления и развития советской школы, поэтому работ по народному образованию конца XIX – начала XX в. вышло мало. Тем не менее, следует отметить труд Н.А. Константинова и В.Е. Струминского по истории начального образования в дореволюционной России и книгу Ф.Т. Па-начина о подготовке педагогических кадров.¹⁸

В 1970-е – начале 1980-х гг. изучением крестьянского мира активно занимались этнографы. В трудах Т.А. Бернштам, К.В. Чистова, В.Н. Чичерова на основе этнографического материала, в том числе и центральных областей, исследовались *особенности традиционной культуры* крестьян: годовой праздничный цикл, связанный с православием и языческими традициями, обрядовая и повседневная культура.¹⁹Особо следует выделить работу М.М. Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века».²⁰В ней изучены общие архетипы общинного поведения: коллективизм, взаимопомощь в период сезонных работ, уравнивательная психология, межличностные отношения в общине, формы общения

годник внешкольного образования. Вып.2. СПб., 1910; Вопросы народного образования в Московской губернии. // Сост. В.В. Петров. М., 1899.

¹⁴ Рубакин Н.А. К характеристике читателя и писателя из народа. // Северный вестник. 1891. № 4. с. 111–145; Смирнов А. Что читают в деревне? // Русская мысль. 1903. № 7. с. 107–116.

¹⁵ Языков К.М. Популярная медицина в деревне. М., 1896; Жбанков К.М. О деятельности санитарных бюро и общественно-санитарных учреждений в земской России. М., 1910.

¹⁶ Юрьев С.А. Деревенский театр. // Артист. 1889. Кн.3; Народный театр. М., 1896; Скородумов Н.В. Крестьянский театр. // Театр и искусство. 1910. № 4; Щеглов И. Народный театр. Очерки исследования современного народного театра. СПб., 1911; Тихонович В.В. Народный театр. М., 1918; и др.

¹⁷ См.: Редькин П.К., Фирстов В.Н. О литературе по истории крестьянского движения в революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории. 1955. № 11. с. 124–128; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство в период империализма. М., 1975; Он же. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980; Анфимов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период: (1861–1914 гг.). // История СССР. 1980. № 4. с. 26–41; Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984; и др.

¹⁸ Константинов Н.А., Струминский В.Е. Очерки по истории начального образования в России. 2-е изд. М., 1953; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976; Паначин Ф.Т. Педагогическое образование в России. М., 1979.

¹⁹ Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начала XX в.). // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. с. 120–153; Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988; Чичеров В.Н. Зимний период русского народного календаря XVI – начала XIX в.: Очерки по истории народных верований. М., 1957; Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970; Чистов К.В. (ред.) Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987; Тульцева Л.А. Выюнишники. // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978. с. 122–137 и др.

²⁰ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

взрослых и молодежи в труде и в праздники. Традиционная культура и быт крестьян Тверской губернии представлены в труде Л.А. Анохиной и Л.Н. Шмелевой.²¹

Значительный вклад в изучение *духовного мира и социальных представлений русских крестьян XIX – начала XX в.* внесли П.С. Кабытов, В.А. Козлов, Б.Г. Литвак.²² Они отметили существенные черты крестьянской психологии: патриархальность, монархизм, религиозно-мифическое восприятие действительности, приверженность к традициям и ослабление этих компонентов в сознании крестьян в начале XX в.

Однако до сих пор в историографии слабее всего изучены такие проблемы, как национальное самосознание и особенности патриотизма крестьянства, хотя они затронуты в работе А.В. Буганова.²³

Появлению в деревне таких видов искусства, как *народный театр и кинематограф* посвящены большие разделы в работах Г.А. Хайченко и С.С. Гинзбурга.²⁴

Следует отметить, что в советской исторической науке под воздействием идеологической и политической конъюнктуры дореволюционное духовенство было представлено в неприглядном свете. Священнослужители стали синонимом невежества, косности, стяжательства, а церковь оценивалась как реакционная и контрреволюционная сила, что иногда было явным преувеличением.²⁵

Антиклерикальное движение крестьян и контрреволюционная деятельность церкви в начале XX в. находятся в центре внимания в работах П.Н. Зырянова и Л.И. Емелях.²⁶ Отмечая факты негативного отношения крестьян к духовенству и церкви, Л.И. Емелях делает вывод о быстрых процессах секуляризации сознания крестьян в начале XX в. Однако факты свидетельствуют, что процесс секуляризации происходил медленно и затронул главным образом молодежь и отходников. Основная масса крестьян оставалась традиционно религиозной. Более того, по мнению Т.А. Бернштам и Г.А. Носовой, крестьяне в своих религиозных верованиях сохранили элементы язычества, были еще подвержены суевериям и предрассудкам.²⁷

В 1990-е гг. начинается новый этап в изучении истории российского крестьянства, формируется такое междисциплинарное направление, как *крестьяноведение*. В центре внимания исследователей находились вопросы, которые уже освещались в научной литературе, но историки отказались от устоявшихся идеологических стереотипов, господствовавших в советской исторической науке. Социокультурные процессы в деревне стали рассматриваться с точки зрения воздействия модернизации на все стороны жизни крестьян.

Новыми подходами в осмыслении места и роли крестьянской общины в жизни крестьян пореформенной деревни и в начале XX в.

отличаются работы современных исследователей Л.И. Кучумовой и П.Н. Зырянова.²⁸ Л.И. Кучумова на основе массовых источников раскрывает такие аспекты крестьянской

²¹ Анохина Л.А., Шмелева Л.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964.

²² Кабытов П.С. О некоторых характерных чертах духовного облика русского крестьянства начала XX века. // Кабытов П.С. (ред.) Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX в. Куйбышев, 1986; Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.

²³ Буганов А.В. Исторические представления русских крестьян XIX в. и развитие национального сознания: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1987.

²⁴ Гинзбург С.С. Кинематография в дореволюционной России. М., 1963; Хайченко Г.А. Русский народный театр конца XIX – начала XX в. М., 1975.

²⁵ Венедиктов Д.Г. Палачи в рясах. М., 1923; Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М., 1967; Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начала XX в.). М., 1969.

²⁶ Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1987; Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в первой русской революции. М. – Л., 1965; Она же. Исторические предпосылки преодоления религии в советской деревне (Секуляризация деревни накануне Великого Октября). Л., 1975. с.123.

²⁷ Бернштам Т.А. Указ. соч. с.213–230; Носова Г.А. Язычество в православии. М., 1975.

²⁸ Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). М., 1992; Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М., 1992.

общины, как природно-хозяйственный комплекс, взаимоотношения общины и государства, мирское самоуправление, крестьянский двор и семья в системе общины. Автор подчёркивает, что реформы 60—70-х гг. XIX в., начавшиеся процессы индустриализации и урбанизации серьёзно затронули традиционные устои крестьянского мира. В работе П.Н. Зырянова представлена сельская община в период проведения аграрной реформы П.А. Столыпина. Во многом по-новому, в отличие от предшественников, показана реализация реформы, отношение к ней правительственных кругов и самих крестьян. Автор отмечает, что проведение реформы сдерживалось не только объективными обстоятельствами, но и связывалось с трудностями трансформации коллективного сознания крестьян и их прагматизмом.

В последнее время для объяснения исторических событий в России конца XIX – начала XX в. историки стали активно использовать *теорию модернизации*. Под модернизацией понимается процесс обновления традиционного общества на основе использования достижений более развитых стран. Модернизация меняет тип воспроизводства, государственные институты, социальные отношения и традиционную социокультуру. Препятствием на пути модернизации является устоявшийся менталитет крестьянского социума. Модернизация вызывает не только трансформацию общинных устоев, но и социокультурную инверсию, или усиление традиционных культурных ценностей, как реакцию на появление в деревне новых социокультурных тенденций.

Многие социальные проблемы российского общества, в том числе трансформация общины, рассматриваются в фундаментальном труде Б.Н. Миронова по социальной истории России XVIII – начала XX в. В работе прослеживается, как под воздействием модернизации и урбанизации, проникновения в деревню рыночных отношений и отходничества постепенно меняются внутриобщинные отношения, что приводило к столкновению традиционного менталитета с новым образом жизни крестьян. Автор отмечает, что с конца XIX века в местностях с интенсивной индустриализацией и урбанизацией в деревню начинает активно проникать массовая городская культура, под воздействием которой менялся и менталитет крестьян.²⁹

Новым явлением в российской историографии стало *изучение менталитета различных групп населения, в том числе и крестьянства*. По итогам международной конференции, проведённой в Москве 14–15 июня 1994 г., по этой теме был выпущен сборник статей.³⁰ Понятие «менталитет» пока ещё не имеет чёткого определения. Большинство исследователей под этим термином имеют в виду социально-психологические стереотипы и привычки сознания, ценностные ориентации и взгляды, заложенные культурными традициями и воспитанием и характерные для какой-нибудь социально-культурной общности, сословия или социальной группы. Ментальность – это своего рода модель восприятия и оценки действительности, выработанная массовым сознанием и разделяемая большинством членов общности. Таким образом, ментальность – это общая совокупность установок, предрасположенностей, определяющих чувства, сознание и поведение человека. Ментальность может быть индивидуальной и коллективной. В совокупности ментальности образуют некую систему – менталитет.³¹

Особенности менталитета общинного крестьянства фигурируют в качестве самостоятельной проблемы в работах Л.В. Даниловой и В.П. Данилова, К.О. Касьяновой, С.В. Лурье, Л.Т. Сенчаковой, которые связывают специфические черты сознания, социальный

²⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т.1. СПб., 1999. с.341–348.

³⁰ Менталитет и аграрное развитие России: Материалы международной конференции (XIX – XX вв.). М., 1996.

³¹ Фильд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. с. 7–22; Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода. // Вопросы истории. 1995. № 7. с.153–160; Куприянов А.И. Историческая антропология: Проблемы становления. // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996. с. 366–385; Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл. // Социологические исследования. 1996. № 5. с. 96–102; Дубов И.Г. (ред.) Менталитет россиян: Специфика сознания больших групп населения России. М., 1997; Таршин Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. М., 1999; и др.

опыт, духовные ценности и архетипы поведения крестьян с жизнью и хозяйствованием на земле. В то же время авторы отмечают трансформирующее влияние факторов модернизации на общину, самосознание и социальные представления крестьян.³²

В этом отношении заслуживает внимания монография Л.Т. Сенчаковой.³³ В ней автор анализирует приговоры и наказания сельских и волостных сходов шести центральных губерний, в том числе Владимирской, Московской, Тверской, направляемых в 1905–1907 гг. в различные государственные инстанции, а также Всероссийскому крестьянскому союзу, и выявляет экономические, социальные и политические требования и пожелания крестьян. По мнению Л.Т. Сенчаковой, приговоры крестьян дают полное представление о понимании ими своей роли в государстве, а также какие интересы отстаивало «сознательное» крестьянство, что характеризовало его возросший уровень политического сознания. Приговорное движение нашло отражение и в книге О.Г. Буховца, написанной на материалах черноземных губерний России и Белоруссии. В ней раскрывается динамика социальных конфликтов в деревне и требования крестьян в революции 1905–1907 гг.³⁴

Новые подходы появились и в *освещении политики правительства в образовании народа*.³⁵ В работе Б.К. Тебиева большое внимание уделяется деятельности педагогических и просветительских обществ не только в развитии передовой педагогической мысли, но и в распространении народного образования на селе. Впервые в литературе подробно рассматриваются проекты реформирования школы и вклад министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева в реформу школы и введение всеобщего начального обучения.

В последние годы на основе переосмысления источников исследователи во многом по-новому стали раскрывать *роль церкви и приходского духовенства в обществе и в жизни крестьян*. В статье А.И. Конюченко рассмотрены социальный статус, экономическое положение и своеобразная субкультура православного духовенства. В работах В.А. Бердинских показана деятельность сельского духовенства в просвещении крестьян, в церковноприходских школах, в попечительствах о народной трезвости, их вклад в развитие краеведения. В уже упомянутом двухтомнике Б.Н. Миронова имеется раздел, посвященный церкви и приходскому духовенству конца XIX – начала XX в., показаны социальный статус, материальное положение и служебные обязанности священнослужителей. Отмечая ослабление значения религиозных обрядов у крестьян, автор считает, что секуляризация сознания крестьян проходила медленно, и большинство крестьян и в начале XX в. оставалось религиозным.³⁶

Значительный вклад в изучение жизни, быта приходского духовенства и его взаимоотношений с сельским миром на рубеже XIX – XX вв. внесла Т.Г. Леонтьева.³⁷ На основе пере-

³² Касьянова К.О. О русском национальном характере. М., 1994; Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. с. 22–39; Данилов, В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011; Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания – зеркало крестьянского менталитета. 1905–1907 гг. // Там же. с. 174–184; Лурье С.В. Как погибла русская община. // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. с. 136–173; Она же. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994.

³³ Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания Российского крестьянства. 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. М., 1994.

³⁴ Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996.

³⁵ Днепров Э.Д. (ред.) Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (конец XIX – начало XX в.). М., 1991; Тебиев Б.К. На рубеже веков. М., 1996.

³⁶ Конюченко А.И. Русское православное духовенство во второй половине XIX – XX вв. // Социально-политические институты провинциальной России: (XVI – начало XX в.). Челябинск, 1993. с. 76–91; Бердинских В.А. Приходское духовенство и развитие краеведения в XIX в. // Вопросы истории. 1998. № 10. с. 134–139; Он же. Русская деревня: быт и нравы. М., 2013; Римский С.В. Церковная реформа 60–70-х гг. XIX в. // Отечественная история. 1995. № 2. с. 166–175; Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. с. 305–320; Громыко М.М. Православие в жизни русского крестьянина // Живая старина. 1994. № 2. с. 3–7; Она же. О народном благочестии у русских XIX в. // Российский этнограф. М., 1993. с. 65–102.

³⁷ Леонтьева Т.Г. Духовенство и сельский мир. 1905–1922. // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Вос-

осмысления многих источников, в том числе мемуаров духовных лиц и материалов фонда духовной консистории Тверской епархии, автор исследует быт сельского духовенства и его социальный статус в сельском сообществе, не всегда простые взаимоотношения с прихожанами. В работах Т.Г. Леонтьевой уделено большое внимание просветительной и филантропической деятельности духовенства среди крестьян, что ранее было слабо изучено. Автор также отмечает, что процесс общей секуляризации сознания крестьян, затронувший в основном молодых крестьян-отходников, иногда приводил к бытовому богохульству.³⁸

В последнее время оживился интерес к *истории старообрядчества*. Так, И.В. Поздеева отмечает, что у старообрядцев и в начале XX в. сохранились исторически сложившиеся устои жизни и верность «началам древнего русского благочестия».³⁹

В современной отечественной историографии пока еще недостаточно разработан такой аспект социокультуры крестьянства, как монархизм, характерный для традиционного общества. Наибольший вклад в изучение этой проблемы внесли работы С.В. Авреха и Н.И. Черняева.⁴⁰

В последние годы возрастает интерес к *культуре и быту* пореформенной деревни.⁴¹ На этнографическом материале, в том числе и центральных губерний, М.М. Громыко исследует традиции, обычаи, нормы поведения, духовные ценности и социальные представления русских крестьян XVIII – начала XX вв., показывает отношение крестьян к школе, грамоте, чтению книг, подробно анализирует традиционную праздничную культуру крестьян и формы проведения досуга молодежью.⁴² Изменению читательских запросов крестьян посвящены работы А.И. Рейтблата и книга под редакцией И.И. Фроловой.⁴³

В историографии 2000-х гг. следует отметить, прежде всего, капитальную монографию О.А. Суховой «Десять мифов крестьянского сознания», в которой на основе архивных материалов четырёх губерний Среднего Поволжья (Пензенской, Самарской, Саратовской и Ульяновской) предпринимается попытка анализа ключевых представлений «картины мира» русского крестьянства на рубеже XIX – XX вв. Автор исследует основные архетипы и мифологемы крестьянской психологии и менталитета, их эволюцию под влиянием модернизационных процессов. О.А. Сухова приходит к выводу, что крестьянское мифотворчество охватывало все наиболее значимые сферы повседневной действительности. Но при этом народное мифотворчество не исчерпывалось тривиальным искажением действительности, оно выполняло и «огромную созидательную функцию, выступая как инструмент адаптации родового сознания к изменяющейся действительности, так и способ преобразования последней».⁴⁴

поминания. Статьи. М., 2000. с. 279–299; Она же. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX в. // Вопросы истории. 2001. № 1. с. 29–43 и др.

³⁸ Леонтьева Т.Г. Духовенство и сельский мир. с.288.

³⁹ Поздеева И.В. Русское старообрядчество и Москва в начале XX в. // Мир старообрядчества. Вып.2. Москва старообрядческая. М., 1995. с.15; Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.3. М., 1998.

⁴⁰ Аврех С.В. О природе русского самодержавия. // Система государственного феодализма. М., 1993. с. 254–331; Фроянов И.А. (ред.) Дом Романовых в истории России. СПб., 1995; Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998.

⁴¹ Будина О.Р., Шмелева М.Н. Русская народная культура. // Русская духовная культура. М., 1995. с. 10–17.; Коринфский А.А. Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1995; Миролубов Ю. Русский языческий фольклор: очерки быта и нравов. М., 1995; Он же. Сакральное Руси. Т.1–2. М., 1996; Поликарпов В.С. История нравов России. От Алексея Тишайшего до Николая II. Восток и Запад. Ростов н/Д, 1995.

⁴² Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Она же. Традиционный нравственный идеал. // Русские народные традиции и современность. М., 1993. с. 65–73; См. также: Современное крестьяноведение и аграрная история в XX веке. Под ред. В. В. Бабашкина. М., 2015.

⁴³ Рейтблат А.И. Читатель лубочной литературы. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в. Вып.5. Л., 1990. с. 125–137; Он же. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991; Фролова И.И. (ред.) Книга в России. 1881–1895. СПб., 1997.

⁴⁴ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX вв.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. с. 616–617.

Можно также отметить историографические работы Л.Н. Бродовской и А.В. Гаврилова, а также статьи В.Я. Филимонова и В.И. Фёдоровой, в которых на примере Калужской и Енисейской губерний разбирается проблема социальной адаптации крестьянства к модернизационным процессам на рубеже XIX – XX вв.⁴⁵

К проблемам истории крестьянства на рубеже XIX – XX вв. возрос интерес и в *зарубежной исторической науке*. Общие тенденции в развитии российского крестьянства стали объектом изучения английского историка Т. Шанина.⁴⁶

В американской историографии также появились работы, в которых историки обращаются к недостаточно разработанной теме – социокультурной истории крестьянства пореформенной деревни. В своих исследованиях Дж. Брукс и Б. Эклоф представляют крестьян не как «пассивную и темную силу», а людей, стремящихся к знаниям, при этом отмечают прагматизм крестьян по отношению к образованию. Дж. Брукс выявляет расширение круга чтения крестьян от популярной до серьезной литературы, увеличения чтения газет и журналов.⁴⁷ Д. Фильд отвергает стереотипный образ консервативного русского крестьянина, а исследователи Г. Фриз, Б. Михен-Уотерс и К. Чулос утверждают, что религиозность крестьян не противоречила их эпизодическим актам протеста против духовенства. По их мнению, это не свидетельствовало об антиклерикальных настроениях среди крестьян.⁴⁸ О медленном процессе секуляризации массового сознания крестьян, десакрализации природы и власти пишет Х. Кокс⁴⁹.

Дж. Бердз исследует процесс влияния крестьян-отходников на складывание в деревне культуры массового потребления.⁵⁰ Об участии крестьян в революции 1905–1907 гг., их борьбе за «землю и волю» и возросшем самосознании пишут Д. Байрау и Т. Шанин.⁵¹ В июне 1994 г. в Москве в работе научной конференции, посвященной российскому крестьянству, участвовали американские историки С. Хок, Д. Фильд, Б. Энгел, Д. Ренсел.⁵²

Несмотря на то, что отдельные сюжеты изучаемой темы частично рассматривались в общих и специальных исследованиях, в целом комплекс проблем социокультуры крестьянства центральных губерний на рубеже XIX – XX вв. еще не получил достаточного освещения. Это даёт основание утверждать, что социокультурные проблемы крестьянства в региональном отношении и в данных хронологических рамках рассматриваемого нами периода требуют дальнейшего изучения.

⁴⁵ Бродовская Л.Н. Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории. // Власть. 2013. № 4. с. 189–191; Гаврилов А.В. Аграрный вопрос в зеркале дискуссий в дореволюционной историографии. // Самарский научный вестник. 2018. Т.7. № 1. с. 225–233; Филимонов В.Я. История крестьянства западного региона России: итоги изучения. // Вестник Калужского университета. 2008. № 1–2. с. 39–47; Фёдорова В.И. Учительская интеллигенция и крестьянство Енисейской губернии на рубеже XIX – начала XX вв.: проблема социокультурной адаптации. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 3(41). с. 105–113.

⁴⁶ Шанин Т. Понятие крестьянства. // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. с. 11–15; Он же. Шанин Т. Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм. // Крестьянство. Теория. История. Современность. М., 1996. с. 8–25.

⁴⁷ Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature. 1861–1917. Princeton, 1985; Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom Village Culture, and Popular Pedagogy. 1861–1914. Berkeley, 1986.

⁴⁸ Freeze J.L. The Parish Clergy in Nineteenth – Century Russia: Crises, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983; Meehan-Waters B. To Save Oneself: Russian Peasant Women and the Development of Women Religion in Post-Emancipation Russia: Woronezh Province. 1880–1917. Ph. D. diss., University of Chicago, 1964.

⁴⁹ Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. // Пер. с англ. О. Боровой и К. Гуровой. М., 1995. с. 36.

⁵⁰ Burds J. Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village. 1861–1905. Pittsburgh, 1998. p.188, 213, 217–218.

⁵¹ Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. с. 19–32; Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. // Пер. с англ. М., 1997.

⁵² Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы меж-дународной конференции. Москва 14–15 июня 1994 г. М., 1996.

В данном исследовании впервые на основе значительного количества вводимых в научный оборот источников изучаются социокультурные процессы в сельском мире центральных губерний в конце XIX – начале XX века. Социокультурные процессы рассматриваются комплексно по широкому кругу вопросов: влияние модернизационных факторов на нравственные установки и социальные представления крестьян, взаимоотношения духовенства и сельского мира и начавшиеся процессы секуляризации сознания крестьян, изменение отношения крестьян к образованию и знаниям, эволюция культурных потребностей крестьян и их самоидентификация в нарождающемся гражданском обществе России.

Собранный материал и проведенное на его основе исследование позволяют расширить знания о социокультурном облике крестьян конца XIX – начала XX в., наметить новые направления для его дальнейшего изучения.

Обзор источников

Комплекс источников можно разделить на семь групп:

1. Основную группу составляют материалы 23 фондов трех архивов: Государственного архива Владимирской области (ГАВО), Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ), Государственного архива Тверской области (ГАТО).

Важное значение для понимания политики правительства в области народного образования и состояния школьного дела имеет фонд канцелярии попечителя Московского учебного округа и дирекции народных училищ (ЦИАМ. Ф. 459.), в который входили 11 губерний Центрально-промышленного района. В фонде представлена делопроизводственная документация: циркуляры Министерства народного просвещения, переписка попечителя учебного округа и дирекции народных училищ с министерством и губернскими дирекциями народных училищ, различная отчетная документация о состоянии школьной сети в губерниях, о численности и составе учителей и учащихся, статистические данные о школьных и народных библиотеках на селе, наличии в них книг, отчеты о проведении и тематике народных чтений.

Ценный материал, раскрывающий деятельность губернских и уездных земств по развитию народного образования на селе, получен из фондов отделов народного образования губернских управ Владимирской (ГАВО. Ф. 379.), Московской (ЦИАМ. Ф. 184.), Тверской губерний (ГАТО. Ф. 800.). В них представлены материалы по финансированию, строительству и состоянию земских школ, организации педагогических курсов, проведению губернских и общеземских съездов по народному образованию, разработке школьной сети; представлены проекты губернских управ по введению всеобщего начального обучения, а также статистические данные о численности учителей и учащихся. Представляют интерес материалы земских обследований крестьянских семей по поводу непосещения школ детьми и отношения крестьян к обучению детей.

В фонде Московского столичного и губернского статистического комитета (Ф. 199. Описи 1, 2.) имеются сведения об учебных заведениях Московской губернии, в том числе о церковноприходских школах и школах грамотности.

Материал, касающийся развития школьной сети Владимирской и Тверской губерний, был получен из фондов Владимирского губернского (Ф. 451.) и Тверского губернского (Ф. 642.) Учебных советов. В них имеются ходатайства крестьян об открытии начальных школ, списки попечителей школ, в том числе из крестьян, протоколы заседаний учебных советов.

Многие полученные данные были систематизированы и сведены в *таблицы*, позволяющие проследить особенности развития народного образования на селе, показать вклад земств в решение проблемы создания системы всеобщего начального обучения.

Из фондов канцелярий владимирского (Ф. 140.) и тверского (Ф. 56.) губернаторов, фондов Владимирского губернского (Ф. 204.) и Тверского (Ф. 488.) присутствий использованы

документальные материалы, раскрывающие многие аспекты социокультурных изменений на селе. Прежде всего, это ходатайства крестьян о разрешении им издавать газеты, открывать типографии и кинотеатры. В них представлены сведения о книжных складах, лавках и библиотеках на селе, сельских народных театрах и спектаклях, устройстве сельскохозяйственных чтений и курсов.

В фондах губернских жандармских управлений Владимирской (Ф. 704.) и Тверской губерний (Ф. 927.) использованы дела по обвинению крестьян в оскорблении личности царя, а также дела по обвинению крестьян в распространении прокламаций, пении революционных песен и участии в демонстрациях в период революции 1905–1907 гг.

Также при работе над монографией были привлечены материалы губернских комитетов попечительства о народной трезвости Владимирской (Ф. 542.) и Тверской губерний (Ф. 133.), которые проводили разнообразную культурно-просветительную работу среди крестьян. Особый интерес представляют отчёты о работе чайных попечительств, которые были своеобразными клубами на селе. Изучение этих материалов позволяет сделать вывод о появлении в деревне элементов массовой городской культуры и изменении культурных запросов крестьян.

Богатый материал, раскрывающий жизнь сельских приходов и взаимоотношение духовенства с сельским миром, содержится в фондах Духовных консисторий – Владимирской (Ф. 556.), Московской (Ф. 203.) и Тверской (Ф. 160.) епархий. В них имеются указы Святейшего Синода, отчёты архиереев о положении дел в епархиях, донесения благочинных и приходских священников о состоянии церквей, положении духовенства; ведомости о пожертвованиях крестьян в пользу церквей и монастырей, сведения о церковной благотворительности; донесения о посещении крестьянами церковных служб, неявки на исповедь и к святому причастию. Имеются документы с фактами богохульства и негативного отношения отдельных крестьян к духовенству, а также о позициях сельских священников в период аграрных беспорядков в 1905–1907 гг. Изучение этого комплекса материалов позволяет выявить причины падения авторитета духовенства в глазах части крестьян и проследить особенности процесса секуляризации сознания крестьян на рубеже веков.

Из фондов Владимирского (Ф. 450.) и Тверского (Ф. 643.) епархиальных училищных советов использованы статистические сведения о наличии церковноприходских школ и школ грамоты, численность законоучителей и учащихся. Документы православных братств и церковных попечительств о народной трезвости раскрывают религиозно-просветительную деятельность сельского духовенства среди крестьян.

Документальные материалы названных фондов ранее *не были опубликованы и впервые вводятся в научный оборот.*

2. При работе над монографией был использован значительный объём *опубликованных материалов.* Прежде всего, это документы, извлечённые из сборников законов и правительственных постановлений по народному образованию, указы Синода о компетенции епархиальных училищных советов и Положение о церковноприходских школах и школах грамоты, отчёты обер-прокурора Синода за 1901, 1903–1904, 1908–1909, 1911–1912 гг.

Значительный интерес для исследования представляют труды, доклады и постановления Первого общеземского съезда по народному образованию 1911 г. и труды съезда крестьян-старобрядцев 1906 г. в Москве. В трудах Первого Всероссийского съезда сценических деятелей 1898 г. и Всероссийского съезда деятелей народного театра в Москве 27 декабря 1915 – 5 января 1916 гг. представлена информация о сельских театрах и об отношении к ним крестьян.

Протоколы Учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза (ВКС) 1905 г., а также приговоры и наказания крестьянских обществ в 1905–1907 гг. дают полное представле-

ние о росте самосознания крестьян и их социальных представлениях в годы Первой русской революции.⁵³

Важным источником информации о социальных конфликтах в деревне и социальных представлениях крестьян, их отношении к властям и духовенству в период революции 1905–1907 гг. являются различные документальные сборники.⁵⁴

3. Большую помощь в раскрытии многих сюжетов темы оказали *статистические материалы*. В первую очередь это губернские материалы Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. Они дают представление о социально-демографической ситуации в деревне и уровне грамотности крестьян. Среди статистических сборников необходимо выделить тома «Статистики землевладения 1905 г.», «Мирские доходы и расходы» за 1881, 1892–1894 и 1905 гг. по 50 губерниям Европейской России, материалы земских подворных переписей за 1880–1913 гг., обработанные З.М. и Н.А. Свамицкими.⁵⁵ Они позволяют выявить ряд аспектов состояния крестьянского хозяйства, изменения общинных порядков и социально-демографические сдвиги в деревне.

Обширный массив информации для изучения проблем развития народного образования на селе содержится в общероссийских и земских губернских статистических сборниках, обзорах и ежегодниках, которые раскрывают деятельность земств по развитию школьной сети, введению всеобщего начального обучения, состоянию школ, динамике численности учащихся и учителей.⁵⁶

Наибольшую ценность для выявления изменений в социокультурном облике крестьянства представляют материалы обследований, проведённые земскими корреспондентами и учителями, помещённые в различных печатных изданиях земств и в статистических ежегодниках. Они свидетельствуют о положительном отношении крестьян к образованию и введению всеобщего начального обучения детей.⁵⁷

⁵³ Сборники постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VI. СПб., 1876; Всеобщее обучение: Сборник законов и правительственных распоряжений. // Сост. К. Денисов. Вып. 1–3. СПб., 1913–1916; Церковноприходские школы и школы грамоты Российской империи в 1896 и 1897 гг.: Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода. СПб., 1899; Доклады Первому Общеземскому съезду по народному образованию 1911 г.: В 2-х т. М., 1911; Постановления Первого Общеземского съезда по народному образованию в Москве 16–30 августа 1911 г. М., 1911; Труды Первого Всероссийского съезда сценических деятелей. М., 1898; Труды Всероссийского съезда деятелей народного театра в Москве 27 декабря 1915 – 5 января 1916 г. М., 1916; Протоколы Учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза. М., 1906; Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1901, 1903–1904, 1908–1909, 1911–1912. СПб., 1905–1914; Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания Российского крестьянства. 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. Приложение. М., 1994; и др.

⁵⁴ Аграрное движение 1905–1907 гг. в Московской губернии. Сборник документов. М., 1936; Крестьянское движение в России 1881–1889. Сборник документов. М., 1960; Тверской край в XX в. Документы и материалы. 1895–1907. Вып. 1–3. Тверь, 1994.

⁵⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Владимирская губерния. М., 1900; Там же. Московская губерния. СПб., 1905; Там же. Тверская губерния. СПб., 1904; Статистика землевладения. 1905 г. Вып. 1. Московская губерния. СПб., 1906; Там же. Вып. 3. Владимирская губерния. СПб., 1906; Там же. Вып. 4. Тверская губерния. СПб., 1906; Мирские расходы крестьян за 1881 год. СПб., 1886; Мирские доходы и расходы за 1892–1894 гг. по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1897; Мирские доходы и расходы за 1905 год по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1909; Россия 1913 г. Статистико-документальный справочник. М., 1995; Свамицкая З.М., Свамицкий Н.А. Земские подворные переписи, 1880–1913: Поуездные итоги. М., 1926.

⁵⁶ Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып. 1. За 1896 г. СПб., 1898; Там же. Вып. 2. За 1898 г. СПб., 1900; Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведённая 18 января 1911 г. Вып. XVI. Итоги по империи. Пг., 1916; Доклады Тверской губернской земской управы очередному земскому собранию о народном образовании. Тверь, 1888; Статистический ежегодник по Московской губернии. М., 1902; Статистический ежегодник Тверской губернии за 1897 г. Тверь, 1898; Там же. За 1910 г. Тверь, 1911; Сведения о народном образовании Тверской губернии за 1914–1915 уч. год. Тверь, 1916; Статистический обзор народного образования в Московской губернии за 1913–1914 уч. год. М., 1915; и др.

⁵⁷ Календарь и памятная книжка Владимирской губернии за 1913 г. Владимир, 1914; Московское губернское земство. Вопросы народного образования в Московской губернии. // Сост. В.В. Петров. Вып. 3. М., 1900; Статистический сборник народного образования в Московской губернии за 1909–1910 уч. год. // Сост. Н. Казимиров. М., 1911; Петерсон Н.Л. Просвещение. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1896; Особое совещание о нуждах

В земских сборниках отражена культурно-просветительная деятельность земской интеллигенции среди крестьян, представлены материалы о библиотечной сети на селе, проведении народных чтений, изменении читательских запросов крестьян.⁵⁸

4. *Мемуары и дневники*. Эта группа источников имеет важное значение для понимания социокультурных процессов в деревне на рубеже веков. Это, прежде всего, мемуары председателя правительства С.Ю. Витте, министра финансов (позднее председателя правительства) В.Н. Коковцова и министра народного просвещения А.Н. Шварца.⁵⁹

Жизнь и быт сельского духовенства и его взаимоотношения с сельским миром нашли отражение в воспоминаниях митрополита Евлогия и архиепископа Тверского и Кашинского Саввы. Традиционализм и отношение крестьян к новым социокультурным явлениям в деревне точно подмечены в воспоминаниях крестьянского писателя из Волоколамского уезда Московской губернии С.Т. Семёнова, бывшего крестьянина и агронома И.Я. Столярова. О событиях и настроениях крестьян в подмосковной деревне в 1905 г. свидетельствуют воспоминания крестьян. В мемуарах известного книгоиздателя И.Д. Сытина, актеров П.Н. Орленева и А.А. Мгеброва, земских учителей Н.Б. Петровой и Д.И. Тихомирова содержится интересный материал об отношении крестьян к чтению книг и газет, к школе и обучению детей, восприятие крестьянами театральных постановок.⁶⁰

Ценным источником сведений о жизни духовного сословия и его взаимоотношениях с окружающим миром являются дневниковые записи священника из г. Калязина Тверской губернии И.С. Белюстина. О социальных представлениях и жизни крестьян пореформенной России свидетельствуют письма помещика и знатока крестьянской жизни А.Н. Энгельгардта.⁶¹ Специфичность этого вида источников состоит в том, что реалии жизни в них отражены субъективно, а иногда и откровенно тенденциозно.

5. Важным источником информации о жизни крестьян являются *публицистические произведения* писателей-народников Н.Н. Златовратского, В.Г. Короленко, А.И. Фаресова, Г.И. Успенского, а также А.М. Горького и просветителя А.Н. Рубакина.⁶² В них отмечены особенности традиционной крестьянской культуры: патриархальность, представления о собственности, богатстве и бедности, справедливости, социальное поведение крестьян, религиозно-мифологическое восприятие действительности, монархизм, изменение культурных запросов крестьян, то есть, представлена основная структура крестьянской ментальности.

сельскохозяйственной промышленности. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т.6. Владимирская губерния. СПб., 1903; Там же. Т.23. Московская губерния. СПб., 1903; Там же. Т.42. Тверская губерния. СПб., 1903; Прокопович С.Н. Местные люди о нуждах России. СПб., 1904.

⁵⁸ Ежегодник: Обзор книг для народного чтения. М., 1895; Ежегодник Московского земства. М., 1907; Ежегодник внешкольного образования. Вып. 1–2. М., 1907, 1910; Московская губерния по местному обследованию 1898–1900 гг. Т.1. Вып. 1. М., 1904; Календарь и записная книжка земского корреспондента Московской губернии. М., 1913; и др.

⁵⁹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1–3. М. – Пг., 1923; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919 гг. М., 1991; Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о государе. М., 1994.

⁶⁰ Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. М., 1994; Савва, архиепископ. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т.1. Сергиев-Посад, 1898; Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915; Столяров И.Я. Записки русского крестьянина. М., 1989; Деревня в 1905 году. По воспоминаниям крестьян. М., 1930; Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962; Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. Л. – М., 1961; Мгебров А.А. Жизнь в театре. Л., 1929. Тихомиров Д.И. Записки о губернских краткосрочных педагогических курсах в Твери. Тверь, 1896.

⁶¹ Из истории провинциального духовенства. И.С. Белюстин. Заметки. 1847–1850. М. – Тверь, 2001; Энгельгарт А.Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. М., 1987.

⁶² Златовратский Н.Н. Очерки крестьянской общины. // Собр. соч. Т.8. СПб., 1913; Короленко В.Г. Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. М., 1991; Фаресов А.И. Мужики и начальство. СПб., 1906; Успенский Г.И. Власть земли. М., 1988; Горький А.М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922; Рубакин А.Н. Этюды о русской читающей публике. М., 1895; и др.

6. В данном исследовании использован богатый *этнографический и краеведческий материал* из опубликованных материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева и из других этнографических сборников, изданных Российским Географическим обществом.⁶³

7. *Материалы прессы.* К исследованию были привлечены материалы местной и центральной периодической печати изучаемого периода. На страницах газет «Правительственный вестник», «Русские ведомости», «Владимирские губернские ведомости», «Московские губернские ведомости», «Московские ведомости», «Тверские губернские ведомости», «Тверская газета» печаталась информация о принимаемых властями и органами местного самоуправления мерах по развитию просвещения и культуры, помещены материалы краеведческого характера. Местные газеты освещали предвыборные кампании в Государственные думы, а также приговоры крестьянских сходов в 1905–1907 гг. В журналах «Русская школа», «Вестник воспитания», «Для народного учителя», «Образование», «Народный театр», «Театр и искусство» освещалась жизнь учителей и учащихся, публиковались заметки о проблемах сельской школы, письма учителей, ходатайства крестьян об открытии земских школ, информация об экскурсиях учащихся по достопримечательным местам Москвы, Владимира и Твери, сведения о сельских театрах. Информационный материал о жизни сельского духовенства, церковной и крестьянской благотворительности, взаимоотношениях духовенства и сельского мира имеется в печатных изданиях, выпускавшихся синодальной типографией и епархиальными издательствами: «Церковный вестник», «Богословский вестник», «Церковь», «Московские епархиальные ведомости», «Тверской епархиальный вестник», а также в журналах «Вестник благотворительности», «Трудовая помощь» и другие.

Совокупность вышеперечисленных документов и материалов позволяет дать обстоятельную картину основных социокультурных процессов в деревне центральных губерний в изучаемый период.

Хронологические рамки исследования включают период с 1880-х гг. по 1914 г. Выбор хронологических рамок объясняется тем, что с начала 1880-х гг., в связи с начавшейся индустриализацией, втягиванием крестьянских хозяйств в рыночные отношения и просветительной деятельностью земств, в деревне промышленно развитых центральных губерний наметились важные социокультурные процессы. Под их воздействием происходит трансформация общинных порядков, в традиционной культуре крестьянства появляются элементы городской массовой культуры, растет самосознание крестьян. Верхняя хронологическая грань исследования определяется начавшейся в 1914 г. мировой войной, которая кардинальным образом изменила обстановку в стране.

Территориальные рамки исследования. Социокультурные процессы, происходившие в деревне на рубеже веков, анализируются на материалах трех губерний Центрально-промышленного района – Владимирской, Московской, Тверской. Одинаковые природно-климатические условия, историческое прошлое, высокий уровень индустриального развития и разнообразных форм промышленной деятельности на селе, их тесная связь с земледелием, динамичные процессы урбанизации и миграции сельского населения, влияние города на жизнь деревни – всё это создавало общие черты и тенденции в социально-экономическом и культурном развитии этих губерний.

Целью данного исследования является анализ социокультурных процессов в деревне в конце XIX – начале XX вв., выявление и изучение в них *двух взаимосвязанных и, во многом, противоречащих друг другу тенденций*, одна из которых была связана с сохранением и укреп-

⁶³ Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 1–3. М., 1889; Фирсов Б.М., Киселева И.Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993; и др.

лением существующих традиций, а другая вела к ломке традиционной крестьянской культуры и возникновению на селе элементов новой, массовой культуры.

Указанная цель определяет *основные задачи*, которые необходимо решить в данном исследовании:

- определить основные черты традиционной крестьянской культуры в изучаемом регионе;
- рассмотреть влияние внешних факторов на нравственные установки и социальные представления крестьян;
- выявить роль церкви и духовенства в жизни сельского мира в пореформенный период и показать начавшийся в условиях модернизации процесс секуляризации сознания крестьян;
- проанализировать основные направления в развитии народного образования на селе и мотивы отношения крестьян к образованию и знаниям как факторам адаптации к новым условиям жизнедеятельности;
- проследить эволюцию культурных потребностей и запросов крестьян;
- дать анализ изменений в самосознании крестьян в начале XX в.

Методологическую основу данного исследования составляют системный (комплексный) подход, предполагающий учет многообразия факторов, влиявших на социокультурные процессы на селе, а также принципы историзма и объективности. В качестве научно-исследовательского инструментария использовались сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, что определялось проблематикой, целями и задачами исследования и характером используемых источников.

Глава 1. Социальный облик пореформенного крестьянства

§ 1. Общинный мир пореформенной деревни – основа традиционной социокультуры крестьянства

В центрально-промышленных губерниях к началу XX в. проживало 15 % населения Европейской России. Среди них крупнейшими были Владимирская, Московская и Тверская губернии. В территориальном отношении наиболее крупной была Тверская губерния – 56,8 тыс. квадратных верст, Владимирская – 42,8 тыс. кв. верст, Московская губерния – 29,2 тыс. кв. верст. По численности населения впереди была Московская губерния. В ней проживало 3.565 тыс. человек, в том числе в сельской местности губернии – 2.431 тыс. Население Москвы и 13 уездных городов составляло 1.134 тыс., или 31,8 % жителей. Среди центрально-промышленных губерний это была самая урбанизированная губерния. Тем не менее, среди всего населения губернии преобладали крестьяне – 1.894 тыс. жителей (78 %), а в уездах – 91,3 %. По плотности населения Московская губерния – 83,1 человека на квадратную версту – была самой густонаселённой. На втором месте по численности населения находилась Тверская губерния – 1.769 тыс. человек, с плотностью населения 31,1 человека на квадратную версту. Большинство населения губернии – 1.642 тыс. человек, или 92,8 %, составляло крестьянство. Во Владимирской губернии числилось 1.516 тыс. жителей, в том числе в сельской местности – 1.325 тыс. человек (87,4 %). Плотность населения губернии составляла 35,4 человека на квадратную версту.⁶⁴

По данным подворных земских переписей первого периода, проведённых в 1882–1892 гг., в Тверской губернии насчитывалось 9.954 селения, во Владимирской – 6.126 селений, в Московской губернии – 5336 сел и деревень.⁶⁵ Для сельской поселенческой структуры губерний была характерна мелкоконтурность и территориальная разбросанность селений: они имели сравнительно небольшие размеры от 20 до 60 дворов. В среднем в селениях губерний проживало: в Тверской – 160 человек, Владимирской – 182, Московской – 194 человека.⁶⁶ В них числилось соответственно: 175.838, 233.767 и 190.120 крестьянских дворов. Средняя населённость крестьянского двора (человек обоего пола) составляла в Тверской губернии – 8,9, Московской – 6,7, Владимирской губернии – 5,6 человека. В Нечерноземном центре в целом – 5,2 человека.⁶⁷

В конце XIX – начале XX вв. во Владимирской, Тверской и особенно в Московской губерниях под воздействием начавшейся индустриализации, развитием средств коммуникаций и других факторов наметились процессы урбанизации. Наиболее промышленно развитой из них была Московская губерния. В основном в Москве и в уездных городах насчитывалось 1940 фабрик и заводов. Кроме этого в губернии имелось 6580 мелких промышленных и 4560 торговых заведений. В двух уездах – Богородском и Бронницком более половины сельского населения было занято в промышленности. Во Владимирской губернии имелось 8420 крупных

⁶⁴ Подсчитано: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Владимирская губерния. Тетрадь 1. М., 1900. с. 1, 2; Там же. Московская губерния. СПб., 1905. XXXIII. с. 1–2; Там же. Тверская губерния. Т.43. СПб., 1904. с. III–IV, 2–3.

⁶⁵ Свавицкая З.М., Свавицкий Н.М. Земские подворные переписи: поуездные итоги. 1880–1913. М., 1926. с. 12, 15.

⁶⁶ Воейков А. Людность селений Европейской России и Западной Сибири. // Известия Русского географического общества. СПб., 1909. Т. XLV. Вып. 1. с. 42.

⁶⁷ Подсчитано: Свавицкая З.М. Свавицкий Н.М. Указ. соч. с. 92–93.

и мелких промышленных и около 2500 торговых заведений, в Покровском уезде более половины населения было занято в промышленности.⁶⁸

Природно-климатические условия, различное плодородие почв обусловили специализацию сельскохозяйственного производства в этих старопахотных губерниях. Так, в Тверской и северо-западной части Московской губернии преобладало льноводство. Повсеместно развивалось производство основных зерновых культур и картофеля, травосеяние, мясо-молочное животноводство и пчеловодство. Возле губернских и уездных городов было развито овощеводство и садоводство.

Население России за вторую половину XIX в. увеличилось примерно с 68 млн. до 124 млн. человек, а к 1914 году его численность достигла 160 млн. человек. Демографический взрыв произошел в основном за счет сельского населения. В крестьянских семьях до начала XX в. рождаемость практически не регулировалась, так как вмешательство в таинства зачатия и рождения считалось большим грехом. На тысячу человек рождалось примерно 50 детей. В результате снижения смертности в детском возрасте, что было прямым следствием земской реформы, предусматривавшей среди прочего создания земских амбулаторий в сельской местности, естественный прирост населения в деревне был значительным и составлял около 1 % в год.⁶⁹ Всё это привело к *аграрному перенаселению* и обострило демографическую ситуацию в деревне. Поэтому в начале XX в. большое число молодых крестьян не находило возможности применить свои силы в деревне и обеспечить себя необходимыми средствами даже по нормам минималистской трудовой морали.

В Тверской губернии численность сельских жителей за полвека с 1850 г. к началу XX в. выросла в 1,4 раза, а в «старопахотных» уездах плотность населения увеличилась в 1,7 раза.⁷⁰ Со времени проведения земских подворных переписей в 1882–1892 гг. к 1913 г. во Владимирской губернии численность сельского населения выросла с 1.325 тыс. до 1.750. тыс. человек, или в 1,3 раза; в Московской с 1.330 тыс. до 1.691 тыс., или в 1,27 раза; в Тверской губернии с 1.575 тыс. до 2.214 тыс., или в 1,4 раза.⁷¹ Численность мужчин и женщин в абсолютных цифрах выросла, но доля мужчин уменьшилась и составляла относительно численности женщин в 1882–1892 гг. по Владимирской губернии – 48,2 %, Московской – 48,2 %, Тверской губернии – 47,8 %. В 1913 году доля мужчин стала еще меньше, соответственно по губерниям: 47,8 %; 46,3 и 46,7 %.⁷² Это было связано с более высокой смертностью среди мужчин, а также с их уходом на заработки в города, в том числе и других губерний.

Наглядную картину половозрастного состава сельского населения в конце XIX в. даёт перепись населения 1897 г. Так, например, в Московской губернии насчитывалось 1.296.199 сельских жителей обоего пола. Доля лиц мужского пола составляла 44,5 %, женского – 55,5 %. В том числе детей, подростков, девушек и юношей от 1 года до 19 лет насчитывалось 599,3 тысячи человек, или 46,2 % от общего числа жителей, что свидетельствовало о демографическом всплеске в последние два десятилетия XIX в. Во всех возрастных группах от 20 до 59 лет наблюдалась тенденция к снижению доли лиц мужского пола.⁷³ Почти такие же показатели половозрастной структуры были характерны для Владимирской и Тверской губерний.

⁶⁸ Подсчитано: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Московская губерния. С. XXXVI; Свавицкая З.М. Свавицкий Н.М. Указ. соч. с. 99, 135.

⁶⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. I. СПб., 1999. с. 308–309.

⁷⁰ Мантрова С.А., Ткаченко А.А. Некоторые черты динамики сельского населения Тверской губернии в пореформенное время. // Вопросы исторической географии России. Тверь, 1995. с. 89.

⁷¹ Свавицкая З.М. Сваицкий Н.М. Указ. соч. с. 92–94; Статистический ежегодник. Россия 1914 г. Пг., 1915. с. 33–57.

⁷² Подсчитано: Свавицкая З.М. Сваицкий Н.М. Указ. соч. с. 93–94; Статистический ежегодник. Россия 1914 г. Пг., 1915. С. 33–57.

⁷³ Подсчитано: Первая всеобщая перепись населения, 1897 г. Московская губерния. с. 10–11.

По переписи населения в 1897 г. доля крестьян в общем населении страны составляла 84 %, но только 74 % от всего населения было занято сельскохозяйственным производством. В Тверской губернии крестьяне составляли 92,8 %, во Владимирской – 87,4 %, в Московской губернии – 78 % населения. Однако крестьянским трудом в Тверской губернии занималось 80,9 % сельского населения, во Владимирской – около 80 %, в Московской губернии 47,7 %. Остальные крестьяне сочетали труд в сельском хозяйстве с работой в промышленности или занимались различными местными промыслами.⁷⁴

В действующем законе слово «крестьянин» часто чередовалось со словом «сельский обыватель». Сельскими обывателями, или сельскими жителями, могли быть крестьяне, дворяне и мещане. Сельский обыватель мог стать крестьянином лишь только тогда, когда он приписывался к какому-либо сельскому или волостному обществу, хотя мог жить в деревне или в городе. Для получения мирского надела земли вступающий в сельское общество должен был получить не менее двух третей голосов крестьян, имеющих право голоса на сельском сходе.⁷⁵

Как известно, в процессе проведения крестьянской реформы 1861 г. бывшие помещичьи крестьяне были переведены на положение «временнообязанных», платили оброк или несли барщину в пользу бывших владельцев. Кроме этого бывшие помещичьи крестьяне в течение 49 лет – до 1910 г., а некоторых случаях до 1920-х гг. должны были платить государству выкупные платежи. К 1870 г. 66,6 % бывших помещичьих крестьян, а к 1881 г. уже 84,7 % крестьян были переведены на выкуп и получили статус крестьян-собственников.⁷⁶ Остальных крестьян с 1 января 1883 г. государство перевело на выкуп, а временнообязанные отношения были прекращены.

После введения в 1889 г. института земских начальников, назначаемых из дворян и отставных офицеров, крестьяне вновь попали под полный контроль местного дворянства. Практически вплоть до революции 1905–1907 гг. сохранялось *сословное неравноправие* крестьян и такой пережиток крепостного права, как телесные наказания. По закону от 17 апреля 1863 г. телесные наказания для крестьян ограничивались, но сохранялись для тех, кто не имел образовательного ценза, еще не достиг 60-летнего возраста, не страдал болезнями и не занимал каких-либо должностей в сельской администрации. Женщины, дети и подростки освобождались от телесных наказаний. В этом отношении крестьяне приравнивались к арестантам и ссыльнокаторжным, на которых распространялись телесные наказания.⁷⁷ В 1903 г. согласно «Уложению о наказаниях», телесные наказания для крестьян были отменены.⁷⁸

Почти всё сословие крестьян Европейской России, за исключением Прибалтики, входило в состав социальной организации, которую чаще всего называли «общиной», или «сельской общиной». Сами крестьяне называли это «миром», или «обществом» («обществом»). С 1838 г. община стала официально называться «поземельной общиной», а как административно-полицейская единица – «сельским обществом». После отмены крепостного права в 1861–1866 гг. такое ее двойное название сохранилось, а сельские общества всех категорий крестьян получили права юридического лица и были поставлены под полный контроль коронной администрации.⁷⁹

⁷⁴ Подсчитано: Общий свод данных переписи 1897 г. Т.2. СПб., 1905. С. LI; Первая всеобщая перепись населения, 1897 г. Московская губерния. С. XXXIII, XXXVI; Там же. Тверская губерния. с. V, XI, XIII. с. 2–3; Там же. Владимирская губерния. Тетрадь 1. с. 1–3.

⁷⁵ Крестьянские законы. Вып.2. Право крестьян на землю. Сост. В.П. Дроздов. М., 1910. с. 3–4.

⁷⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т.1. с. 302–308.

⁷⁷ Тимофеев А. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897. с. 83–126.

⁷⁸ Уложение о наказаниях. 1903 г. СПб., 1904. Гл.1. Ст.15.

⁷⁹ Сборник материалов для изучения общины. Т.1. СПб., 1880. с. 1–2, 159, 257; Щербина Ф. Русская земельная община. // Русская мысль. 1880. № 5. с. 1–30.

«Верхи» крепко держались за общинное устройство жизни крестьян, и для этого были *две основные причины*. По признанию С.Ю. Витте, в основе государственной поддержки общины лежало твёрдое убеждение, что с «административно-полицейской точки зрения община представляла удобства – легче пасти целое стадо, нежели каждого члена стада в отдельности». ⁸⁰ Властям не надо было требовать от каждого крестьянина выполнения тех или иных повинностей, за это полностью отвечала община. Важным было то, что с общины, а не с отдельного двора, взимались выкупные платежи. В общине существовала *круговая порука*: с того, кто не мог заплатить свою долю, она перекладывалась на других крестьян. Круговая порука как одна из фундаментальных основ общины окончательно была упразднена в 1903 г., когда уже 99,6 % общин её не применяли. ⁸¹ Чтобы число плательщиков не сокращалось, закон затруднял выход крестьян из общины – для этого нужно было выкупить свой надел. Поэтому в сохранении общины государство в первую очередь преследовало фискальные интересы.

В зависимости от границ и размеров селений общины делились на три группы: простые, или однодеревенские; составные, которые объединяли две или более небольших деревень; раздельные, когда в составе одного большого села имелись две или более общины. В центральных губерниях в основном преобладали простые общины, их доля колебалась от 70 до 94 %, составных – от 2 до 11 % и раздельных – от 4 до 28 %. ⁸²

Община являлась самостоятельной хозяйственно-административной единицей и решала две главные задачи: служила государству и действовала в сословных интересах крестьян. По государственным делам выступало «сельское начальство», а по общественным делам – сельский сход. Все «сельское начальство»: староста, сборщик податей, писарь, сотские и десятские выбирались из «мужиков зажиточных, порядочных и добрых». Три главных управленческих должности в общине получали жалованье за счёт мирских средств, сотские и десятские выполняли возложенные на них мелкие полицейские обязанности чаще всего на общественных началах. Старост выбирали на сельском сходе из наиболее грамотных и авторитетных людей, способных защитить интересы общины и быть ходатаями перед властями.

Большим влиянием в общине пользовались старики – мужчины в возрасте 60 лет и старше, являвшиеся главами хозяйств, так называемые «большаки», или «патриархи». Они обычно объединялись в неформальную организацию – «совет стариков» и влияли на многие внутримирские дела. Авторитет стариков в общине в пореформенной деревне долгие годы был непререкаем и объяснялся тем, что вся жизнь в общине строилась по *устной традиции*, которая передавалась от старшего поколения к младшему. Старики являлись хранителями традиционных устоев общины. Однако к началу XX в. под воздействием модернизационных факторов происходит ломка многих общинных порядков, появляется множество молодых грамотных крестьян-домохозяев и вместе с этим начинает падать авторитет стариков.

В сельском сходе обычно принимали участие сельское начальство и по два представителя от каждых 10 дворов. При решении наиболее важных дел, как, например, передел земли, раскладка налогов и податей, строительство общественных объектов, приглашались все большаки. В общине действовала традиционная демократия, но она существовала не для всех, а только для глав хозяйств. Все остальные члены общины: взрослые мужчины, не являвшиеся домохозяевами, женщины и молодежь – не имели права голоса и подчинялись решениям схода. Приговоры выносились иногда устно, но наиболее важные записывались и скреплялись подписью и печатью старосты.

⁸⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1. М. – Пг., 1923. с. 404.

⁸¹ Симонова М.С. Отмена круговой поруки. // Исторические записки. Т.83. 1969. с. 159–195; Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян в Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. с. 101.

⁸² Щербина Ф.А. Русская земельная община. М., 1880. с. 1–32; Орлов В. Форма крестьянского землепользования в Московской губернии. // Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т.4. Вып.1. М., 1879. с. 250.

Община как крестьянский социум выполняла различные функции и играла важную роль в жизни крестьян. Община сохранилась и после реформы 1860-х гг., так как её устойчивость определялась условиями поземельно-хозяйственных отношений и саморегуляцией деревенского уклада жизни в целях жизнеобеспечения крестьян. Всем миром было легче справиться со стихийными бедствиями, голодом, решать все общественные хозяйственные дела. Одной из главных функций общины была управленческая или регулятивная – это поддержка внутриобщинного порядка, соблюдение крестьянами общинных норм жизни и нравственности; контроль за правильностью раздела и наследования движимого и недвижимого имущества; разрешение внутрисемейных конфликтов, разводов и разделов.

Община выступала субъектом землепользования, имела общий лес и луг, общие места для водопоя скота. Именно община, а не отдельный крестьянин и крестьянская семья распоряжалась пашней. Поэтому распределение пахотной земли между хозяйствами и общее пользование другими угодьями было главной функцией общины. Срок очередного передела решался миром на сходе. Пахотные поля, поступавшие в общий передел, мир делил на участки по качеству почвы, расстоянию от усадеб и рельефу местности. Подход в распределении полос исходил из конкретных условий – климата, товарной специализации крестьянских хозяйств, социального состава деревни. По достижении 18 лет каждый мужчина получал во временное пользование свою долю из общинной земли, а после его женитьбы эта доля обычно удваивалась. Стремление к справедливому дележу перерастало в *мелочную уравнительность*. К тому же в результате естественного прироста населения и при стабильности земельного фонда коренные и частичные переделы земли приводили к дроблению и измелечению наделов и их чересполосице. Иногда число полосок измерялось десятками, и на них был невозможен общий для всех севооборот. Не было смысла удобрять и обихаживать землю – при переделе она могла достаться другому. Всё это мешало сельскохозяйственному прогрессу и не позволяло развиваться предприимчивым крестьянам.

Данные статистики землевладения свидетельствуют, что в Московской губернии с 1877 по 1905 гг. число общин выросло с 5.544 до 5.636, а численность крестьянских дворов увеличилась с 179.068 до 210.570, или почти в 1,2 раза. В то же время фонд наделной земли в общинах вырос незначительно – всего на 28,8 тыс. десятин. Если в 1877 г. на каждый двор приходилось 8,7 десятины, то в 1905 г. уже 7,5 десятины. Причем, бывшие государственные крестьяне были лучше обеспечены землёй: в среднем на их двор приходилось 9,2 десятины, у бывших владельческих крестьян – 6,8 десятины, у бывших удельных – 5,1 десятины.⁸³ Такое же положение с наделной землёй складывалось и во Владимирской губернии. За это же время число общин там увеличилось с 5.303 до 8.426, или в 1,6 раза, а число дворов выросло с 194.565 до 423.011, или более чем в 2,2 раза. Количество наделной земли увеличилось только на 151,6 тыс. десятин, но из-за периодических переделов уменьшились средние наделы земли на двор: в 1897 году – 10,3 десятины, в 1905 г. – 8,9 десятины; бывшие помещичьи крестьяне имели меньше всего земли – в среднем по 7,8 десятины на двор.⁸⁴

Многие сельские общества, особенно в западных губерниях, коренные переделы земли проводили редко. Например, в Тверской губернии не проводили таких переделов со времени наделения землёй крестьян 77,3 % общин. Зато в Московской и Владимирской губерниях преобладала иная тенденция. В Московской губернии к коренным переделам не прибегали 39,5 % общин, во Владимирской губернии – 32,8 %.⁸⁵ В других общинах коренные переделы земли проводились через 15–20 лет.

⁸³ Статистика землевладения. 1905. Вып.1. Московская губерния. СПб., 1906. с. 10–11.

⁸⁴ Статистика землевладения. 1905. Вып.3. Владимирская губерния. СПб., 1906. с. 10–11, 41.

⁸⁵ Россия 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. с. 67.

Частичные переделы общинной земли происходили ежегодно или по мере надобности из-за разделов семей. Многократное число разделов приводило к тому, что молодые крестьяне становились домохозяевами, а это повышало их роль в делах общины.

Современные исследователи отмечают, что в пореформенное время в праве различалось четыре вида крестьянской собственности: общественная (общинная), общая, семейная и личная, которая только и была в полной мере частной собственностью.⁸⁶ В сознании крестьян сформировалось устойчивое представление о *двухуровневом предназначении крестьянской собственности* – семейно-потребительском и тягловом. Связанный длительное время с общиной крестьянин признавал верховенство коллективной собственности над семейно-индивидуальной.

Однако в условиях развития рыночных отношений в России среди крестьян, особенно в конце XIX в., стали проявляться *собственнические устремления*. Некоторые крестьяне становились торговцами, владельцами тракторов и чайных. Разбогатевшие крестьяне проявляли интерес к приобретению земли в собственность. В 1882 г. был создан казённый Крестьянский банк, который выдавал крестьянам кредиты на 37 лет и 7 месяцев на покупку земли. В 1893 г. правительство разрешило банку выдавать кредиты на покупку земли только общинам, пускавшим её в свой передел. С 1895 года банк уже сам стал покупать помещичьи владения и перепродавать крестьянам. Всего в губерниях Европейской России до 1905 г. с помощью банка крестьяне купили 7,8 млн. десятин, из них только 117 тыс. десятин в личную собственность. В Московской губернии в 1877 г. насчитывалось 3.577 частных крестьянских владений, а к 1905 г. имелось уже 5.595 владений. Средний размер частного владения составлял соответственно 30,3 и 15,1 десятины. Во Владимирской губернии за это же время число таких владений выросло с 5.927 до 5.943, а их средний размер также уменьшился с 52,5 до 36,7 десятин. Некоторые крестьяне имели крупные земельные владения – от 50 до 150 десятин.⁸⁷

Крестьянское земледелие основывалось ещё на рутинной технике. Из-за недостатка удобрений и низкого плодородия почв урожайность на крестьянских землях была на 20 % ниже, чем во владельческих хозяйствах.⁸⁸ Уже в конце XIX в. многие уездные земства, общины и появившиеся крестьянские товарищества начинают внедрять в практику крестьянских хозяйств более совершенные сельскохозяйственные орудия: плуги, сеялки, жатки, веялки; вводить травосеяние и новые агротехнические приёмы.⁸⁹ Все эти нововведения с трудом пробивались в жизнь деревни и касались в основном хозяйств молодых и предприимчивых крестьян. Основная масса пожилых крестьян всё ещё ориентировалась на традиционные методы ведения хозяйства. В своих воспоминаниях крестьянский писатель С.Т. Семёнов из Волоколамского уезда Московской губернии пишет, что когда он прислал своему отцу «Земледельческую газету» с рекомендациями по ведению хозяйства, тот оклеил ею стены в избе. На вопрос: «Почему?» – старик ответил: «Пишут насчет хозяйства, да дураки пишут, дураки и читают; что они знают, то мы уже давно забыли».⁹⁰

Традиционный общинный порядок предполагал не только равенство крестьян на получение доли из общинной земли, но и равные обязанности платить налоги, выкупные платежи и выполнять различные повинности. Все женщины, за исключением вдов, являвшихся главами

⁸⁶ См.: Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. с. 29.

⁸⁷ Статистика землевладения. 1905. Вып.1. Московская губерния. с. 10–13; Там же. Вып.3. Владимирская губерния. с. 50–51.

⁸⁸ Россия 1913 г. Статистико-документальный сборник. с. 58.

⁸⁹ Воронцов В.П. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892. с. 258–261; Вихляев П.А. Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. Вып.8. М., 1914. с. 5–16.

⁹⁰ Семёнов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. М., 1915. с. 104–108.

домохозяйств, не имели доли в общинной собственности. Отсюда и не имели никаких денежных и натуральных обязательств перед общиной и государством.

Все доходы сельских обществ складывались из следующих источников: от сдачи в аренду мирских земель для сельскохозяйственного использования и для промышленного пользования (аренда под фабрики, склады и т. п.); пособий от казны и земств; займов и сборов пошлинного характера; с паспортов и билетов, сборов за прописку, со сделок и договоров; штрафов и страховых платежей; раскладок с домохозяев на церковь, школу, покупку земли, пастьбу скота и т. д. В центральных губерниях сборы и раскладки с крестьян составляли 80–82 % от всего дохода общины. Они зависели от количества дворов и числа работников, количества земли и наличия скота. Так, одна десятина наделной земли облагалась по-разному: в Московской губернии, где земли было меньше, – в 93 коп., во Владимирской – в 49 коп., в Тверской губернии – в 36 коп.⁹¹

Доходы крестьянского мира постоянно, но неравномерно росли, особенно в Московской губернии, где с 1894 по 1905 г. они выросли на 55 %, во Владимирской – на 11,6 %, в Тверской губернии – на 11,2 %. Пропорционально этому увеличивались и *расходы*. Первое место среди них занимали расходы на сельскохозяйственные нужды – 35,1 % всех расходов; второе место – 27,5 % занимали расходы на содержание волостной и сельской администрации, суда и канцелярии. На покупку и аренду земли для общины уходило 21,3 % расходов. Незначительная часть расходов шла на различные потребности: народное образование, медицину, общественное призрение сирот и пожилых одиноких людей.⁹²

Кроме уплаты государственных и местных налогов, крестьяне выполняли различные натуральные повинности: рекрутскую, дорожную, подводную и т. д. Обложение налогами и государственными повинностями осуществлялось на общинно-подушном принципе и на основе круговой ответственности, за их неуплату отвечали выборные лица и вся община.

Через сход или совет стариков община следила за общественным порядком, разбирала конфликты между односельчанами, с санкции схода наказывала крестьян за мелкие правонарушения и недоимки; контролировала выдачу паспортов на отходничество; изгоняла из общины воров и правонарушителей; принимала меры при пожарах и по охране общественного имущества. Расследование и суд по гражданским делам осуществляли выборные лица, совет стариков или сход. Сельский сход или сельская администрация защищала интересы крестьян и общины в целом перед государственными, церковными и другими учреждениями по обычаям и законам.

Своим моральным долгом община считала оказание помощи бедным и пострадавшим в результате стихийных бедствий, сиротам, больным и престарелым одиноким односельчанам. Для этого в некоторых общинах имелись запасные хлебные склады, устраивались общественные работы – помочи; содержались богадельни и приюты.

Община играла роль транслятора традиций и обычаев от старшего поколения к младшим, занималась воспитанием подрастающего поколения; оказывала финансовую и материальную помощь школам и библиотекам. В тех селениях, где не было школ, крестьяне часто по своей инициативе открывали школы грамотности.

Важной функцией общины была забота о попечении церкви и причта, проведение религиозных праздников и коллективных молебнов в случае засухи, падежа скота и других чрезвычайных происшествий. Община и особенно старики осуществляли надзор за посещением односельчанами церкви, соблюдением религиозных норм и строго наказывали тех, кто нарушил запрет и работал по праздничным и воскресным дням.

⁹¹ Мирские доходы и расходы за 1905 г. по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1909. с. 36.

⁹² Там же. С. XXIX, 32, 34, 39.

Как видно, сельская община представляла собой своеобразный социум и была типичной формой организации общественной жизни крестьян в доиндустриальном обществе, какой и была Россия в пореформенный период.

Рост сельского населения в конце XIX в. вызвал *проблему занятости*. Несмотря на отток населения в города, больше половины естественного прироста оставалось в деревне, что обостряло *малоземелье* крестьян.⁹³ В центрально-промышленных губерниях эта проблема компенсировалась за счет развития крестьянских промыслов и отхода крестьян на заработки в города. Поэтому одной из специфических особенностей деревни центральных губерний, особенно Московской, была значительная занятость крестьян *неземледельческими видами деятельности*. По данным Б.Н. Миронова, к концу XIX в. в 56, или 11,1 % всех уездов Европейской России – 30–35 % крестьян получали главный доход вне сельского хозяйства, в 85 уездах (16,8 %) – 20–29 %, в 306 уездах (60,5 %) – 10–19 % крестьян получали главные жизненные источники, занимаясь кустарными промыслами и работая в различных отраслях промышленности и сфере услуг.⁹⁴ Только на территории шести промышленных губерний: Владимирской, Московской, Тверской и других в 1897 г. имелось 650 фабричных и промышленно-кустарных селений.⁹⁵ Среди них такие крупные, как Орехово-Зуево, Никольское, Тейково Владимирской губернии; Гжель, Вербилки, Павловский-Посад в Московской губернии, Кимры и Кузнецово в Тверской губернии. Например, одним из крупнейших центров сапожно-башмачного кустарного производства в России было село Кимры Корчевского уезда Тверской губернии, где ежегодно выделялось до 1,5 млн. пар обуви на сумму 3,5 млн. руб.⁹⁶ Крупным центром игрушечного производства был Сергиев-Посад Московской губернии, где в 1300 дворах свыше 2 тыс. кустарей занимались игрушечным промыслом и производили изделий на сумму около 0,5 млн. руб. в год. Всего же в близлежащих селах около 10 тыс. крестьян было занято в изготовлении игрушек.⁹⁷

Кустарная промышленность в центральных губерниях стала развиваться быстрыми темпами со второй половины XIX в. Этому способствовали рост потребностей городского и сельского населения и спрос промышленных предприятий на ремесленные изделия. В последней четверти XIX в. произошла дифференциация промысловой деятельности сельского населения губерний по отраслевым группам: обработка волокна, кожи, дерева, металлов, минералов; производство игрушек, музыкальных инструментов: гитар, скрипок и балалаек; изделий из папье-маше, кости и рогов, иконописный и другие промыслы. Сельские кустари умели делать высокохудожественные образцы деревянной и керамической посуды, ткачества. На всероссийских и международных выставках изделия крестьянских промыслов часто получали самые престижные награды.⁹⁸

Центральные губернии располагали удобными транспортными сообщениями, что способствовало интенсивному развитию отходничества в города и столицы. После отмены крепостного права резко вырос поток мигрантов из деревни в город. По данным переписи населения 1897 г., только в Санкт-Петербурге и в Москве насчитывалось 207,6 тыс. уроженцев из

⁹³ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России в конце XIX – начале XX в. М., 1969. с. 370–371.

⁹⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т.1. СПб., 1999. с. 307.

⁹⁵ Водарский Я.Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972. с. 8–9.

⁹⁶ Тарновский К.Н. Мелкая промышленность дореволюционной России. М., 1995. с. 94.

⁹⁷ Воронцов А.М. Кустарное производство игрушек. М., 1910. с. 447.

⁹⁸ См.: Свод материалов по кустарной промышленности России. // Сост. А. Мещерский, К. Модзалевский. СПб., 1874; Исаев А.П. Промыслы Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т.7. Вып.2. М., 1882; Там же. Вып.3. М., 1883; Московская губерния по местному обследованию 1898–1900 гг. Т.1. Вып.1–3. М., 1903–1904; Пругавин В.С. Промыслы Владимирской губернии. М., 1882; Архипова Л.М. Мелкая крестьянская промышленность Центрально-нечерноземного района России в начале XX в. М., 1995; и др.

Тверской губернии.⁹⁹ Доля крестьян-мигрантов в Москве в этом же году достигала 70 %, в других городах Европейской России она составляла 43 %, причем из них 27 % мигрантов были недавними выходцами из деревни.¹⁰⁰

По существующему Положению, крестьяне, уходящие на промыслы за пределы 50 верст от места своего проживания, должны были получить согласие у общины и иметь при себе специальное разрешение – паспорт на определённый срок. Такие промыслы назывались *отхожими*.

Кроме «дальнего» отхода существовал «ближний» отход – в близлежащие уездные города и фабричные села. Занятия местными промыслами чаще всего не требовали отрыва человека от дома и были тесно связаны с ведением своего хозяйства. Крестьяне-отходники проживали в городах временно по краткосрочному паспорту чаще всего без семьи. Многие крестьяне, занятые на сезонной работе, часть года жили в городе и возвращались в деревню. Отходники с постоянной работой иногда по несколько лет не бывали в деревне.

По данным земских подворных переписей 1882–1892 гг., в Московской губернии из 246 496 крестьянских хозяйств, так или иначе, с неземледельческим трудом были связаны 196 638 хозяйств, или 79,8 %. В различных промыслах было занято 505 119 крестьян обоего пола, или 36,3 % от их общего числа. Причем с промышленным трудом было связано 49,3 % мужчин и 24,3 % женщин. Из всех лиц обоего пола, занятых неземледельческим трудом, 42,7 % мужчин работали в местной кустарной промышленности, доля женщин была большей и составляла 56,3 %. На дальние отхожие промыслы в другие города уходили преимущественно неженатые и малосемейные молодые мужчины, доля которых в отходе составляла более 80 %. Во Владимирской губернии из 233.767 крестьянских хозяйств с промысловыми занятиями были связаны 210.102 хозяйства, или 89,8 %. Доля мужчин-отходников ко всему мужскому населению составляла 26,2 %. Более половины мужчин, занятых промыслами, не были связаны с земледельческим трудом.¹⁰¹

Всё большую активность в отхожих промыслах стали проявлять женщины. В конце XIX в. среди отходников доля женщин составляла во Владимирской губернии – 22 %, в Московской – 19 %, в Тверской губернии – 13 % женщин.¹⁰² Как правило, в отходничестве участвовали незамужние и одинокие женщины, вдовы без детей. Они работали на фабриках или прислугой в домах богатых горожан. Участие женщин-крестьянок в отхожих промыслах уравнивало их с мужчинами, повышало их социальный статус в семье и крестьянском хозяйстве, делало женщину экономически независимой и расширяло её кругозор.

По месту приложения труда крестьян, занятых в промыслах, можно разделить на несколько категорий: крестьяне, занятые промыслами дома; в своём уезде; в других городах своей губернии;

в столичных городах; в городах других губерний; в прочих местах. Например, в Московской губернии в 1894 г. больше всего крестьян – 16,4 % занимались промыслами по месту жительства; на заработки в Москву уходили 11,1 % крестьян; в своём уезде работали 9 % крестьян; за пределами губернии – 1,2 % и в Петербурге – 0,6 % отходников. В наиболее промышленно развитых уездах – Богородском, Бронницком, Дмитровском и Московском от 40 до 50 % крестьян были заняты неземледельческим трудом.¹⁰³

Основной причиной отхода в промышленность было малоземелье и нехватка рабочего скота. Например, в селе Городня Тверской губернии величина душевого земельного надела

⁹⁹ Тихонов Б.Г. Переселение в России во второй половине XIX в. М., 1978. с. 30.

¹⁰⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т.86. СПб., 1905. с. 102.

¹⁰¹ Подсчитано: Свавицкая З.М., Свавицкий Н.М. Земские подворные переписи: поездные итоги. 1880–1913. с. 15–16.

¹⁰² Там же. с. 115–116.

¹⁰³ Промысловые занятия населения Московской губернии и его обращаемость в лечебницы. Санитарный врач Московского губернского земства Н.Д. Соколов. М., 1909. с. 12, 16.

составляла 5,4 десятины. Почва была супесчаная, урожаи низкие, поэтому из 220 дворов только 56 домохозяев занимались выращиванием хлеба. Крестьяне из 118 семей находились в отходе и работали в Твери и Петербурге дворниками, извозчиками, приказчиками и прислугой. В местной промышленности было занято 35 семей.¹⁰⁴ Во Владимирской губернии среди крестьян самым распространённым промыслом был офенский – мелкая торговля книгами вразнос. Иногда в поисках заработка крестьяне уезжали в Нижний Новгород, Астрахань, Азов и на нефтепромыслы в Баку.¹⁰⁵

Отходничество в города расширяло кругозор крестьян и повышало общий уровень культуры, делало их более восприимчивыми к иным ценностям и новшествам. К началу XX в. в тех уездах, волостях и селениях, которые были втянуты в отходничество, наметились перемены в крестьянском укладе жизни. В первую очередь стал нарастать *кризис традиционной патриархальной семьи*. С одной стороны, это было связано с увеличением удельного веса молодежи в возрастной структуре села. Молодые крестьяне-отходники перенимали городской образ жизни, привычки и стереотипы поведения, что иногда приводило к конфликтам с главами патриархальных семей – большаками. С другой стороны, стала *возрастать роль женщины* в крестьянском хозяйстве и в делах общины. В отсутствии глав семей, находящихся в отходе, женщины становились домохозяевами, получали право голоса на сходе, уплачивали налоги и несли все общественные повинности. В ряде случаев из-за длительного отсутствия мужа женщина по решению схода получала развод с выделением своей доли имущества.

Одним из главных последствий отходничества была *эволюция крестьянской традиционной культуры и складывание культуры массового потребления*. Работа в городе улучшала материальное положение крестьян и поднимала их социальный престиж в глазах односельчан. В деревне постепенно начинает формироваться культ богатства и уважения к преуспевающим крестьянам. Но в условиях существования крестьянской общины «культура потребления» вызвала социальную зависть по отношению к материально преуспевающим крестьянам-отходникам.

Уже современники заметили, что чем ближе находились сельские поселения к крупным городам и чем удобнее были с ними транспортные сообщения, тем сильнее было влияние города, тем больше крестьян занималось отходничеством. Наблюдатель сельской жизни С.Я. Дерунов отмечал: «Чем глуше село, уезд, деревня, чем дальше от центров культуры, тем темнее, суевернее крестьяне».¹⁰⁶ Писатели-на-родники Н.Н. Златовратский, Г.И. Успенский и другие отмечали *влияние города и отхожих промыслов на изменение межличностных отношений в общине*. Если раньше социальный статус крестьянина во многом зависел от пола и возраста, то в конце XIX в. на его статус стали больше влиять *социальные факторы*: имущественное положение, грамотность, общественная должность и личные качества крестьянина. Как отмечал Н.Н. Златовратский, до отмены крепостного права идеалами крестьянства были солидарность, равенство, справедливость и взаимопомощь, а после реформы пришла «умственность», то есть рациональность и расчет, и эта «умственность» шла в деревню из города. «Умственный» мужик и душой, и мыслью тяготеет к городу: там ключ к экономическому благосостоянию и гарантия человеческих прав».¹⁰⁷

В результате социального расслоения деревни и роста числа отходников всё более расшатывались традиционные общинные устои. В повести Н.Н. Златовратского «Устои» есть примечательный эпизод: из Москвы к отцу в деревню приехал сын. Наблюдая за его поведением,

¹⁰⁴ Статистический ежегодник Тверской губернии. 1913–1914 гг. Тверь, 1915. с. 154–155.

¹⁰⁵ Фирсов Б.М., Киселёва И.Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. с. 39–40.

¹⁰⁶ Дерунов С.Я. Из русской народной космогонии. // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. I. М., 1889. с. 325.

¹⁰⁷ Златовратский Н.Н. Собр. соч. Т.8. с. 322; Успенский Г.И. Собр. соч. Т.4. с. 128–129.

тётушка Ульяна, хранительница устоев, говорит ему, что он делает «всё особняком», племянник ей отвечает: «По-столичному. Так оно лучше: ни ты никому в душу не лезешь, ни в твоё расположение никто носу не суёт».¹⁰⁸

Иногда между неординарной личностью и хранителями устоев происходили *серьёзные конфликты*. В качестве примера можно привести жизнь и судьбу крестьянского писателя из Волоколамского уезда Московской губернии *С.Т. Семёнова*. Это был образованный крестьянин, который несколько лет прожил в Москве и вернулся к отцу в деревню. Семёнов имел свою библиотеку, писал рассказы о крестьянской жизни, встречался с Л.Н. Толстым, который и привлёк его к сотрудничеству с издательством «Посредник». В пятидесятнике своих «Крестьянских рассказов» Семёнов писал о тёмных сторонах и дикости деревенских нравов. Озлобленные мужики грозились убить его, жену и детей. Позднее, уже в 1923 году Семёнов был действительно убит своими односельчанами.¹⁰⁹

В конце XIX в. протест части молодежи против общинных порядков и традиционной системы ценностей принял крайние меры: из города в деревню пришло *хулиганство*. Деревенская молодёжь, занимающаяся отходничеством и вышедшая из-под контроля общины, возвратившись в деревню, пьянствовала и бесчинствовала. Жертвами хулиганства становились местные чиновники, помещики, духовенство, богатые крестьяне и все те, кто олицетворял и защищал старый порядок.¹¹⁰ Позднее, в 1914 г. на конференции Русской группы Международного союза криминалистов была дана оценка и перечислены причины этих хулиганских действий: крушение традиционной крестьянской морали; ломка патриархального чина деревенской жизни; падение авторитета стариков и старших; независимость молодёжи благодаря денежному хозяйству; разница в развитии и кругозоре молодёжи и стариков, отцов и детей; разрушение общественно-мирских начал и замкнутости прежней крестьянской морали, поддерживаемой принудительностью, силой общественной солидарности и коллективизма; разрушение общины и прежней общественности при несоздавшейся новой; эмансипация личности от мира и конфликты личных интересов с мирскими; разложение единого общественного мнения; противопоставление личности обществу; повышение ощущения своего «я» и значение своих интересов, личной независимости.¹¹¹

В действиях сельских хулиганов можно видеть реакцию на процессы модернизации и протест против традиционных общинных устоев, бюрократизации официальной церкви, нигилизм по отношению к власти государственной, общинной и отцовской. Когда крестьяне как носители традиционного общества находятся в привычной им среде, они руководствуются нормами и правилами, полученными по наследству от старших, но, попав в новую обстановку – в город, на фабрику, они не могут сразу привыкнуть к новым правилам поведения. Таких людей к концу XIX века в деревне накапливалось всё больше. Формально оставшись в пространстве общинной жизни, психологически и нравственно они были слабо связаны с общиной и землёй. Выпав из крестьянской среды, эти «раскрестьяненные» крестьяне – маргиналы утрачивают её культуру, но и не вписываются в новую для них общность и культуру или не усваивают её полностью. Всё это порождает падение нравов, рост преступности, пьянство, хулиганство, бессмысленную жестокость, и все эти люди – вчерашние крестьяне.

Специфические черты социокультуры крестьянства веками были тесно связаны с жизнью и хозяйствованием на земле. Главной определяющей средой, где складывалось представление крестьян об окружающем мире и о своём статусе и предназначении, был микросоциум – сельская община. Она регулировала жизнь крестьян, являлась хранителем и транслятором хозяй-

¹⁰⁸ Златовратский Н.Н. Устои. // Отечественные записки. 1888. Кн.9. с. 156.

¹⁰⁹ Клейнборг Л.М. Очерки народной литературы (1880–1923). Л., 1924. с. 11.

¹¹⁰ Фирсов Б.М., Киселева И.Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев... с. 240–241, 245–276, 270, 281, 289–291.

¹¹¹ Гуревич В.Я. Хулиганство. Отчет X общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов 13–16 февраля 1914 г. в Петербурге. Пг., 1916. с. 3–7, 128–130; Трайнин А.Н. Хулиганство. // Там же. с. 131–152.

ственного и социального опыта, системы духовных и социальных ценностей крестьянства. Община влияла не только на все стороны крестьянского бытия, но и формировала сознание и мировосприятие крестьянина как члена локального и замкнутого социума. Общинные архетипы: поведенческие стереотипы, коллективизм, социальные представления, духовные ценности и идеалы сохранялись ещё длительное время.

Традиционное сознание крестьян сказывалось на их представлении о государственной власти, проявлялось по отношению к земле, собственности и богатству, сохраняло их понимание равенства и социальной справедливости.

Однако принцип эгалитаризма в крестьянской общине касался только распределения земли, что смягчало нищету и являлось условием выживания крестьянской семьи. Зажиточность крестьянина зависела в основном от количества обрабатываемой им земли, поэтому крестьян делили на следующие категории: на «полных хозяев», имевших 20 десятин, на «половинных», «четвертинных» и «огородников». На низшей социальной ступени находились «раскрестьяненные крестьяне» – батраки и работники. Крестьяне Московской губернии считали наёмный труд и батрачество низким занятием, а крестьян, бросивших земельные наделы, презрительно называли «гуляками», «шалтаями», «пустырниками». К крестьянину-хозяину в деревне отношение было уважительным, тогда как само слово «батрак» стало одиозным и даже бранным.¹¹²

Для российского крестьянина земля имела не только хозяйственное, но и *сакральное значение*, она – природный (Божий) дар, как солнце и воздух, и должна принадлежать всем, кто желал её обрабатывать. Отсюда крестьянским идеалом высшей правды и справедливости был «свободный труд на свободной земле».

Крестьянское малоземелье порождало всякие слухи о возможном «чёрном переделе» земли. «Земля будет общая, – говорили крестьяне в 1870-х – начале 1880-х гг., – для чего отберут её у помещиков и разделят между крестьянами и помещиками по числу душ в семействах, что это и есть желание государя императора, и что поэтому дворяне покушались на жизнь его величества».¹¹³ С целью пресечь эти слухи, выступая перед волостными старшинами в Москве по случаю коронации, Александр III сказал: «Когда вы разъедетесь по домам, передайте всем Моё сердечное спасибо; следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному. Эти слухи распускаются Нашими врагами. Всякая собственность точно так же, как и ваша должна быть неприкосновенна».¹¹⁴

Известная исследовательница крестьянской жизни А.Я. Ефименко отмечала, что народ постоянно верил в «чёрный передел» земли, и приводит факты, когда крестьяне даже отказывались от покупки земли у помещиков на очень выгодных условиях или наоборот соглашались на невыгодные сделки, мотивируя это тем, (что всё-равно скоро будет общий передел).¹¹⁵ Об этом же писал и знаток крестьянских обычаев и образа жизни А.Н. Энгельгардт: «Мужики понимают так, что через известные сроки, при ревизиях, будут общие равнения всей земли по всей России... Тут дело идет вовсе не об отобрании земли у помещиков, как пишут корреспонденты, а об равнении всей земли, как помещичьей, так и крестьянской».¹¹⁶

Таким образом, на первом месте у русских крестьян в пореформенной деревне стояло знаменитое «Землицы бы!», и это требование чаще всего диктовалось самосохранением и выживанием крестьянской семьи.

¹¹² См. Тихонов Б.В. Указ. соч. С.129; Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. М., 1987. с. 377.

¹¹³ Цит.: Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. М., 1965. с. 323–324.

¹¹⁴ Правительственный вестник. 1883. 22 мая. С.1.

¹¹⁵ Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Т.1. Обычное право. М., 1884. с. 174–175.

¹¹⁶ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. с.540–541.

Дореволюционные исследователи крестьянской общины А.Я. Ефименко, В.В. Качоровский, А.А. Кауфман, И.В. Чернышов и другие отмечали, что в подавляющем большинстве крестьяне были *против частной собственности на землю*, считая, что она – «Божья» и не может никому принадлежать. Помимо религиозной традиции по переделу земли между членами общины «по справедливости», важную роль играли и чисто житейские соображения. Современный историк П.Н. Зырянов считает, что крестьянское земледелие находилось в зависимости от природных условий и, имея полосы в разных местах общественного клина, крестьянин мог получать ежегодно средний урожай, несмотря на засушливое или дождливое лето.¹¹⁷ Об этом же пишет и Л.В. Милов: «... весь образ жизни населения исторического ядра территории России был процессом выживания, постоянного создания условий для удовлетворения только самых необходимых, из века в век практически одних и тех же потребностей».¹¹⁸

Традиционное отношение к земле и собственности у крестьян основывалось на трудовом праве, на вложенном в неё труде. В глазах большинства крестьян собственность, нажитая своим трудом, считалась неприкосновенной: воровство общественное мнение расценивало как большой грех. Крестьяне считали, что если кто срубит бортное дерево, тот вор: он украл человеческий труд, а кто рубит никем не посаженный лес, тот пользуется Божьим даром, таким же, как вода и воздух.¹¹⁹ Поэтому крестьяне были убеждены в том, что «леса никем не сеются и не садятся, а созданы на общую потребу».¹²⁰

Об этом же повествовал в своих записках уже упоминавшийся крестьянский писатель С.Т. Семёнов. На его замечание по поводу порубки чужого леса крестьяне отвечали: «Он не чужой, а Божий. Хлеб с поля грех брать, потому его сеяли, над ним трудились, а над лесом кто трудился?». Те же самые крестьяне, отмечал далее Семёнов, не возьмут у соседа клок сена, не решатся переменить косы и грабли.¹²¹ Крестьянская община строго наказывала тех, кто занимался обманом и воровством. Так, например, сход села Ильинское Тверской губернии лишил крестьянина Н.Н. Плясунова права голоса за вырывание листов из платежной книжки, в которой записывалась оплата им податей и количество зерна, полученного из общественного магазина. Ранее за эти проступки он был подвергнут телесным наказаниям.¹²²

О том, что порубки деревьев в казённом или помещичьем лесу крестьяне не считали нарушением права собственности, свидетельствуют многие факты из донесений местных губернских властей министру внутренних дел. Так, 19 мая 1884 г. в донесении министру внутренних дел помощник начальника Московского губернского жандармского управления отмечал массовые порубки леса крестьянами в Серпуховском и Подольском уездах. В деревне Люторецкой Серпуховского уезда 220 крестьян, в том числе женщины, рубили лес бывшей помещицы княгини Щербатовой, проданный купцу Сафонову. В записке Тверского губернатора А.Н. Соколова министру внутренних дел Д.А. Толстому сообщалось об отказе крестьян девяти селений Бежецкого уезда платить штраф за порубку помещичьего леса.¹²³ Крестьяне нескольких деревень Меленковского уезда Владимирской губернии оказали сопротивление чинам местной полиции, загородили плотами реку и не пропускали сплав леса заводчика Баташова, который лишил их права пользоваться лугом. Дело дошло до того, что усмирять крестьян прибыл губернатор с батальоном солдат.¹²⁴ По подсчёту Лесного департамента Министерства

¹¹⁷ Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992. с. 76–77.

¹¹⁸ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. с. 415.

¹¹⁹ Фирсов Б.М., Киселева И.Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев... с. 59.

¹²⁰ Ефименко А.Я. Указ. соч. с.145.

¹²¹ Семёнов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. с. 37–40.

¹²² ГАТО. Ф.488. Оп.1. Д.687. Л. 2–7.

¹²³ Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг. Сборник документов. М., 1960. с. 320–324, 499, 582.

¹²⁴ Там же. с. 136–139.

государственных имуществ, только в казённых лесах за 1894–1900 гг. было похищено леса на 1848 тыс. рублей.¹²⁵

В то же время крестьянское правосознание допускало строгое наказание для тех, кто покусался на хозяйственные интересы общины.

«Веками настроенная на коллективное выживание община формировала у своих членов правосознание, соответствующее этой сверхзадаче: кради, если это отвечает интересам своего хозяйства и не задевает хозяйственных интересов общины; не плати долгов, за которые община не отвечает по круговой поруке; убей, если конокрад угрожает общему стаду, поджигатель – тесно прижавшимся друг к другу строениям деревни, колдун – здоровью её обитателей».¹²⁶

У крестьян складывались *свои представления о богатстве и свое отношение к богатым*. В общем виде под богатством крестьяне понимали достаток, то есть обладание таким количеством имущества и денег, которое было выше уровня, необходимого для удовлетворения обычных крестьянских потребностей. Во многих центральных губерниях богатым считался тот крестьянин, который полностью обеспечивал потребности семьи собственным хлебом. Как свидетельствовал А.Н. Энгельгарт, степень зажиточности определялась *временем, когда крестьянин начинал покупать хлеб*: до Рождества, до масляной, после Святой, только перед «новью».¹²⁷ Крестьяне осуждали наживу и обман, несправедливо нажитое богатство. О крестьянском подходе к оценке справедливого происхождения богатства говорил известный писатель-народник Г.И. Успенский: «Богачи всегда бывали в деревне: но я спрашиваю, чем и каким образом мог разбогатеть крестьянин-земледелец и как и отчего мог обеднеть? Только землёй, только от земли. Он не виноват, что у него уродило, а у соседа нет; не виноват он, что он силён, что он умён, что его семья подобралась молодец к молодцу, что бабы его встают до свету и т. д. Тут понятно богатство, понятна бедность, тут никто ни перед кем не виноват...»¹²⁸ По замечанию земского корреспондента из Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, многие крестьяне презрительно относятся к бедности, потому что бедность «от себя», «от лени», «от глупости».¹²⁹

Трудовая этика крестьянства в традиционном обществе ориентировалась на такую трудовую деятельность, которая *удовлетворяла скромные потребности семьи, без стремления к накоплению*. Такой тип трудовой этики называется потребительским, традиционным, или минималистским, другой тип – максималистский ориентировал человека на достижение максимально возможных результатов в труде.¹³⁰ Крестьянская ментальность отторгала труд, как наживу, использование собственности в целях накопления, обогащения и эксплуатации неимущих. В этих случаях крестьяне говорили: «Мужики – не купцы, а крестьяне, работники хлебопахотные: им не капиталы копить, а вырабатывать нужные дому, для семьи достатки, да за добрые труды быть славутными, почётными в миру, в обществе.»¹³¹ Крестьяне считали, что труд земледельца имеет важное значение для государства, так как он является единственным кормильцем, остальные сословия живут за его счет: барин следит за мужиком, выколачивает недоимки и получает жалованье; священник – венчает, крестит, хоронит; монахи молятся за всех; купцы – торгуют; солдаты охраняют государство.¹³² Для крестьян профессии, не связан-

¹²⁵ Бутовский А.Н. О лесорубках. // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 7. с. 82–110.

¹²⁶ Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX – XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999. с. 138.

¹²⁷ Энгельгарт А.Н. Указ. соч. с. 487.

¹²⁸ Успенский Г.И. Власть земли. М., 1988. с. 221–222.

¹²⁹ ГАТО. Ф.800. Оп.1. Д.6933. Л.118.

¹³⁰ Маркович Д. Социология труда. М., 1988. с. 502–511.

¹³¹ Лурье С.В. Как погибла русская община. // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. с. 145.

¹³² Кузнецов Я. Характеристика общественных классов по народным пословицам и поговоркам. // Живая старина. 1903. Вып.3. с. 396.

ные с земледелием, были непопулярны. Из сельских – пастушество, «живодёрство» (снятие шкур с павших животных), труд трубочиста. Престижной оставалась работа на земле.¹³³ В этом отражались не только приверженность крестьян к занятиям отцов и дедов, но и их традиционное аграрное мышление.

Вся жизнь крестьянина-земледельца подчинялась чёткому циклу сезонных работ, поэтому календарный сельскохозяйственный год традиционно делился на три периода: январь – март, апрель – октябрь, ноябрь – декабрь. Все основные сельскохозяйственные работы выполнялись в страдную пору: весной, летом и в начале осени. В народной трудовой этике существовала вековая традиция: *не работать в воскресенье и в праздничные дни*. Эта традиция освящалась не только обычаем, но также законом и церковью. В основе обычая лежало убеждение, что за работу в праздничный день виновный может потерпеть убыток. По подсчётам Б.Н. Мирнова, в середине XIX в. на долю празднично-выходных дней приходилось 26 % времени, в 1872 г. – 29 %, в 1902 г. – 34 %.¹³⁴

Все празднично-воскресные дни разделялись на три группы:

1) официальные государственные и церковные праздники, так называемые «двунадесятые», или в честь некоторых святых, царские торжественные праздники; 2) народные, так называемые храмовые или престольные праздники; 3) бытовые и мирские праздники: молебны на полях, свадьбы, проводы новобранцев и т. п.¹³⁵

В воскресные и праздничные дни крестьяне посещали церковь, делали покупки на ярмарках. Кроме главных праздников, в другие праздничные дни устраивались сходы, сбор податей. Община строго следила за соблюдением праздников и в случае нарушения наказывала денежным штрафом, арестом и даже физическим воздействием. Наиболее важные и срочные виды работ: уборка хлеба, заготовка и перевозка сена, дров, требующие значительных затрат времени, часто выполнялись коллективно. В разных местностях они назывались по-своему: помочами, толоками и их выполнение допускалось в некоторые праздники с угощением и выпивкой.¹³⁶

Зимой, когда часть крестьян занималась кустарными промыслами или заготовкой дров, многие праздники иногда не соблюдались. Летом же, когда крестьяне одновременно выполняли одинаковые виды работ, община легко могла проконтролировать соблюдение праздничных дней. В Московской губернии в конце XIX в. в промышленно-фабричной местности крестьяне меньше всего соблюдали праздничные дни, а община не так строго относилась к нарушителям традиций. В земледельческих уездах, где ещё были сильны традиции, крестьяне строго соблюдали праздники. В то же время в различных местностях крестьяне уже не признавали второстепенные праздники и воскресные дни, работали и использовали их для выполнения общественных обязанностей или личных нужд.¹³⁷ Земские корреспонденты из Вереяского, Дмитровского, Подольского, Рузского и других уездов в своих сообщениях отмечали, что во время покоса и других летних работ многие крестьяне работают в воскресные и праздничные дни. Зимой чтут самые важные праздники – Рождество и Крещение, в другие занимаются извозом и заготовкой дров. После окончания сельскохозяйственных работ, в день Покрова в течение трёх дней шумно и весело играют свадьбы. Как отмечал священник А.Ф. Орлов из Звенигородского уезда этой же губернии: «Крестьяне работают много, отдыха имеют мало, хотя

¹³³ Фирсов Б.М., Киселёва И.Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев. с. 124–125.

¹³⁴ Мирнов Б.Н. Указ. соч. Т.2. с. 307–308.

¹³⁵ Праздники в крестьянском быту Московской губернии. // Ежегодник Московского губернского земства. 1887 г. М., 1887; Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т.2. Всенародная агрономия. СПб., 1905. с. 84–89.

¹³⁶ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Она же. Мир русской деревни. М., 1991. с. 73–86.

¹³⁷ Праздники в крестьянском быту Московской губернии. // Ежегодник Московского губернского земства. с. 24–25.

всё-таки живут бедно; но не праздники виною этому последнему, а малоземелье, неурожай, семейные разделы, падежи скота и т. п. причины».¹³⁸ Поэтому для крестьян праздник имел не только сакральный характер, но и был единственной возможностью отойти от каждодневных забот и трудностей, лишений и социального неравенства, окунуться в мир веселья и радости.¹³⁹

Праздники составляли многообразную сторону жизни русских крестьян. Праздник как традиционный вид народной культуры вобрал в себя сложный комплекс религиозных и этических представлений, обрядов и норм поведения, устного, музыкального и хореографического творчества. Праздничная культура крестьян имела глубокую и длительную традицию, которая постоянно обогащалась новыми элементами и местными вариантами.

Наиболее праздничным и весёлым временем в деревне было время от Рождества (25 декабря по старому стилю) до Крещения (6 января), называемое Святками. Примечательной чертой этого праздничного цикла было колядование, или славление. Парни, девушки и подростки, реже взрослые ходили по дворам, славили Рождество Христово и величали хозяев, получая за это угощение. В Меленковском, Шуйском и Юрьевском уездах Владимирской губернии и в других местностях были развиты традиции *народной карнавальной культуры*: в колядовании и святочных играх обязательным атрибутом были ряженные в костюмах и масках. Молодежь, воспитанная в религиозной строгости, не принимала участия в карнавальной части развлечений. Наиболее популярным зимним праздником в деревне была *масленица*, которая впитала в себя традиции языческих праздников. Во Владимирской и Тверской губерниях молодежь каталась на сани с украшенными лошадьми. Это сопровождалось плясками, шутками, состязаниями в скорости. Широко было распространено катание с горок на салазках, рогожах, коньках, подмороженных корзинках, катульках-досках.¹⁴⁰ Главным православным праздником была *Пасха*. В полночь на Крестный ход ходили все, после службы христосовались, дарили друг другу яйца. Характерной чертой Троицкого праздничного цикла было украшение домов берёзовыми ветками, украшение венками берёзок, праздник сопровождался хороводами, песнями и плясками.

Основными формами общения и проведения *досуга у молодежи* были *хоровод* и *посиделки*. В широком смысле хоровод – это весенне-летнее времяпрепровождение деревенской молодежи в разных его видах. В узком значении хоровод – это коллективное движение молодежи с песнями, плясками и разыгрыванием сенок. Обычно хоровод водили девушки и парни, иногда молодые женщины с мужьями. Пожилые крестьяне присутствовали в качестве зрителей, в основном в храмовые праздники. Молодежь начинала водить хороводы от Красной горки до Петрова дня – на этом заканчивался цикл весенне-летних праздничных хороводов.¹⁴¹

Особую форму общения молодежи составляли *обходы дворов*, наиболее распространено было «окликанье молодых», называвшиеся *выюнитством*. Например, в Гороховецком уезде Владимирской губернии парни в нарядной одежде окликали молодых – недавно поженившихся, пели и плясали под окнами. За это получали угощение: пироги, пряники, вино, деньги. В Юрьевском уезде этой же губернии иногда молодожёнов приветствовали несколько раз: утром дети, затем подростки, мужчины, вечером женщины и парни.¹⁴²

Осенью и зимой основным местом общения крестьянской молодежи были *посиделки* в одном из домов селения. Посиделки проводились с выполнением какой-либо работы и без работы. Так, в Тверской губернии, начиная с Филипповских заговен, то есть с 14 ноября, каж-

¹³⁸ Там же. с. 6–7.

¹³⁹ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988. с.213–230.

¹⁴⁰ Зобнин Ф. Игры. // Живая старина. Вып.3–4. М., 1896; Громыко М.М. Мир русской деревни. с. 334, 336–338.

¹⁴¹ Анохина Л.А., Шмелева Л.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. с. 310–311; Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970. с. 360–379.

¹⁴² Тульцева Л.А. Выюнитшники. // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978. с. 122–137; Поэзия крестьянских праздников. с. 332–356.

дый вечер, кроме праздников и воскресений, молодежь собиралась на посиделках поочередно в избах каждой девушки и парня. Девушки пряли, либо шили, вышивали полотенца. На Святках собирались без работы. Такие посиделки или беседы с работой и развлечением проводились повсеместно и в других селах губернии.¹⁴³

В деревне среди молодежи и детей были широко распространены спортивные игры: в лапту, в «свайку» и «бабки», бег «взапуски», прыжки на качающейся доске, положенной поперек бревна. Зимой катались с горок, на коньках и играли «в сало».

Традиционная праздничная культура тесным образом была связана с хозяйственно-сезонными и социальными условиями жизни крестьян.

Коллективные формы проведения досуга старшего поколения отличались от молодёжных большей насыщенностью христианско-языческими традициями. Способы проведения свободного и праздничного времени были основаны на активном творчестве и исполнении самих крестьян.

Под влиянием города и отходничества крестьяне знакомились с ценностями и стилем поведения городских жителей, что постепенно влияло на их быт, культуру, образ жизни. Однако крестьяне старшего поколения сопротивлялись проникновению в свою среду новых веяний и ценностей. О борьбе традиций с новыми явлениями жизни в крестьянской среде засвидетельствовал в своих записках бывший крестьянин И. Столяров, закончивший во Франции Тулузский университет и ставший инженером-агрономом: «Русский народ был так сильно привязан к традициям, что недоверчиво относился ко всем новшествам... Крестьянство не спешило идти по стопам города. Оно продолжало питаться соками старины. Разрыв между городом и деревней был не только экономический, но и психологический и даже языковой. Культурный городской слой плохо понимал язык деревни и даже отвергал его, а деревня совсем перестала понимать городской культурный язык... Так образовалось две культуры: городская и крестьянская, два разных мира. Город был ближе к миру европейскому, деревня не отличалась от мира, каким он был при Петре Великом, до реформ».¹⁴⁴

В конце XIX в. в связи с развитием промышленности и средств коммуникаций деревня всё больше стала втягиваться в рыночные отношения. Изменения экономических условий в промышленно развитых губерниях способствовали *увеличению слоя зажиточных крестьян*. В деревне появились ростовщики и скупщики, лавочники и трактирщики. Такие предприимчивые крестьяне, обогащавшиеся путем ростовщичества, скупки и перепродажи, получили со стороны односельчан нелестное прозвище «*кулак*», которое приобрело негативный, осуждающий оттенок. Принятый в советской литературе термин «кулак» для обозначения богатых крестьян-земледельцев, использующих наёмный труд, не соответствовал крестьянскому пониманию этого термина. Для крестьян конца XIX в. «кулаки» – это те, кто занимался не сельскохозяйственным трудом, а ростовщичеством, торговлей, или прижимистый, скупой человек.¹⁴⁵ В то же время корреспонденты этнографического бюро Тенишева отмечали, что теперь уже не знания и грамотность, а богатство являлось способом возвышения крестьян. Мерилом ума и достоинства человека стало умение нажить копейку. Зажиточные крестьяне пользовались уважением, их в отличие от бедных называли по имени-отчеству, так же как и представителей власти. С потерей имущества зажиточный крестьянин терял и уважение среди односельчан.¹⁴⁶

Рост крестьянского малоземелья, увеличение арендных платежей и цен на землю заставляли некоторых крестьян в целях поднятия дохода интенсифицировать свое хозяйство. В

¹⁴³ Громыко М.М. Мир русской деревни. с. 383–442; Она же. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян. с. 222–250.

¹⁴⁴ Столяров И.Я. Записки русского крестьянина. // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма Сост. Вострышев М.И. М., 1989. – с.394–395.

¹⁴⁵ См.: Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. СПб., 1899.

¹⁴⁶ Фирсов Б.М., Киселева И.Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев. с. 89–93.

деревне возникают и растут так называемые культурные хозяйства, в которых использовались новые орудия труда, удобрения, вводились новые севообороты, травосеяние и другие рациональные методы земледелия и животноводства. Большую помощь крестьянам в этом деле оказывали губернские и уездные земства.

Зажиточных крестьян уже не устраивали общинные порядки.

В общине всё отчетливее стало проявляться противостояние двух типов общинников – традиционного крестьянина с его психологией уравнительности, державшегося за «старину», и крестьян, ведущих свое хозяйство по новым технологиям и связанных с рынком. Писатель С.Т. Семёнов отмечал, что молодые хозяева использовали нововведения в хозяйстве: плуги, лучшие семена хлебов, сеянных трав, новые породы скота. Далее Семёнов отмечает, что в деревне шла борьба между нарождавшимся новым и отжившим старым, старое держалось, но новое проявлялось во многих делах.¹⁴⁷

При всей замкнутости общины крестьянство связывало себя с государственными интересами России и её историей. *Патриотизм* и *национальное самосознание* крестьян нашли свое отражение в военно-исторических песнях, сказаниях и рассказах об исторических событиях, героях и полководцах. Особой популярностью пользовались рассказы о Петре I, А.В. Суворове, М.И. Кутузове, событиях Отечественной войны 1812 года.¹⁴⁸

Патриотизм и этническое самосознание крестьян и их связь с братьями по вере особенно проявились в связи с русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Во время своих поездок Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1877 г. отмечал, что народ везде только и говорит о войне, с жадным любопытством выслушивает и расспрашивает про войну.¹⁴⁹ Среди крестьян бытовало представление, что «если умрешь на войне за Христову веру, то Господь грехи отпустит». ¹⁵⁰ Уже в 1875 г. крестьяне стали собирать добровольные пожертвования в пользу национально-освободительного движения на Балканах. Пожертвования в пользу братьев-славян и единоверцев поступали из Московской, Владимирской, Тверской и других губерний. Изучая материалы полицейских донесений, А.В. Буганов пришел к выводу, что суммы крестьянских пожертвований существенно превышали пожертвования дворян, купцов, мещан. Крестьяне также сыграли главную роль в добровольческом движении в Сербию. Кроме этого крестьяне помогали семьям солдат, перевозили на своих подводах рекрутов и припа-сы.¹⁵¹ Представления крестьян о причинах войны отличалось от государственной точки зрения. Народ выдвинул свою версию этой войны: война шла не с Турцией, а со стоящей за ее спиной «англичанкой» из-за того, что та не захотела принять православную веру.¹⁵²

В России сложилась своеобразная система отношений крестьянского социума и государственной власти. По отношению к крестьянам самодержавие проводило попечительско-охранительную политику, поддерживая и консервируя общинные порядки, культивируя монархические настроения в крестьянстве. Крестьянская община в начале XX в., как и раньше, оставалась главной социальной средой, где складывалось мировоззрение крестьянина. Отношения «государство – крестьянство» не были идиллией и не строились на принципах партнерства. Государственная власть в какой-то степени выступала гарантом безопасности и стабильности сельских обществ, разрешала их конфликты с помещиками и местными чиновниками. В

¹⁴⁷ Семёнов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. с.108, 115–120, 203.

¹⁴⁸ Буганов А.В. Исторические представления русских крестьян XIX в. и развитие национального сознания: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1987; Исторические песни XIX века. Л., 1973.

¹⁴⁹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 1929. с. 413.

¹⁵⁰ Громыко М.М. Мир русской деревни. с. 232.

¹⁵¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т.1. М., 1961. с. 380, 463, 486; Буганов А.В. Отношение крестьянства к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // История СССР. 1987. № 5. С. 182–186.

¹⁵² Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994. с. 142.

свою очередь, община платила налоги, выполняла различные повинности, поставляла рекрутов в армию. Поэтому во многом представления крестьян о роли государства и его функциях основывались на взаимоотношениях общины с государством.

По представлениям крестьян, Российское государство состояло из множества «миров», а под общим «миром» понимался весь русский народ. Отсюда над местным «миром» стоял «мир» всей земли – Россия. Крестьяне воспринимали Россию как «мир» в границах «Святой Руси».¹⁵³ Это являлось основой соборности русского народа.

Как видно, крестьянский этатизм имел в своей основе мирскую форму. Однако был и сакральный символ этатизма – это *образ царя*. В политической культуре большинства крестьян в конце XIX – начале XX в. по-прежнему сохранялся *наивный монархизм*, который поддерживался и пропагандировался идеологами самодержавия и православной церковью.¹⁵⁴ Наивный монархизм, или вера в народность, могущество и священность монарха, осуществляющего свою деятельность в интересах народа, был характерен для традиционного общества, в котором преобладающим сословием являлось патриархальное крестьянство. Народ по традиции верил, что царь в политике был неотделим от Бога, так как он является проводником в жизнь воли Божией; поэтому все, что делал государь, шло на пользу народу.¹⁵⁵ «Цари, – по выражению В.Г. Короленко, – рисовались (крестьянам – А.И.) природными и естественными доброжелателями народа... Образ царей в представлении крестьянина не имел ничего общего с действительностью. Это был мифический образ могучего, почти сверхчеловеческого существа, непрестанно думающего о благе народа и готового наделить его собственной землей».¹⁵⁶ Эта патерналистская по своей сути и утопическая идея «царя-батюшки» как покровителя и заступника крестьянского мира, по мнению этнопсихолога С.В. Лурье, была своеобразной психологической защитой в ответ на постоянные притеснения со стороны местных представителей власти.¹⁵⁷ О мифологизации реального образа царя свидетельствуют факты, когда крестьянские ходоки к царю писали своим односельчанам о положительном решении им их просьб. Среди крестьян бытовало убеждение, что «как скажут крестьяне на сходе, так царь и решит».¹⁵⁸

Иногда народная молва приписывала царю даже занятия хлебопашеством, а чиновники для крестьян всегда были «лукавыми царскими слугами», стоящими между царем и народом.¹⁵⁹ Народные толки даже связывали проведение первой Всероссийской переписи населения 1897 г. с заботой царя о народном благе. «Царь хочет, видно, дать крестьянам какие-нибудь льготы», – говорили крестьяне Московского уезда. Крестьяне Новоторжского уезда Тверской губернии утверждали, что царь-батюшка заботится о народе, «захотелось ему свое хозяйство в известность привести, вздумал нас сосчитать, о нас заботится наш кормилец».¹⁶⁰

В то же время официальные данные свидетельствуют, что уже в последней трети XIX в. в судах имелось много дел по обвинению крестьян в оскорблении особы государя императора и членов императорского дома. В «Своде законов уголовных», изданных в 1866 г., статьи 241–248 квалифицировали эти поступки как государственное преступление. Среди этих дел, рассматривавшихся в Московской судебной палате, 61 % был возбужден по поводу «преступ-

¹⁵³ Там же. с. 141.

¹⁵⁴ Аврех А.Я. О природе российского самодержавия. // Система государственного феодализма. М., 1993. с. 291; Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. с. 217; Фроянов И.А. (ред.) Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. с. 245–251.

¹⁵⁵ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. с. 247–254.

¹⁵⁶ Короленко В.Г. Земли! Земли!: мысли, воспоминания, картины. М., 1991. с. 15.

¹⁵⁷ Лурье С.В. Указ. соч. С.144.

¹⁵⁸ Крестьянское движение в революции 1905 года в документах. Л., 1926. с.11.

¹⁵⁹ Толки народа. // Этнографическое обозрение. М., 1894. с. 135.

¹⁶⁰ Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998. с. 148–149.

лений», совершенных крестьянами.¹⁶¹ В фонде канцелярии Тверского губернатора за 1887–1895 гг. сохранилось более 20 дел-донесений уездных исправников об оскорблении крестьянами особы императора Александра III. Это выразилось в произнесении неприличных или дерзких слов. Например, в донесении Бежецкого уездного исправника 26 марта 1887 г. губернатору отмечалось, что во время работы в амбаре местной купчихи в ответ на слова крестьянина, что «надо благодарить Бога и царя, что Бог уродил хлеб, а царь сбавил подати», другой крестьянин выругался в адрес царя и сказал, что «лучше бы он мне на одну душу земли прибавил», за что и был посажен под арест на семь суток. Другой крестьянин произвёл оскорбительное действие по отношению к портрету Александра III. Крестьянин Старицкого уезда, выпив стакан водки в трактире, выругавшись в адрес Николая II, заявил, что «никаких милостей молодой государь не даст». Свой поступок объяснил тем, что во время перевоза через Волгу утопил 21 пуд баранины, после чего с горя и напился.¹⁶²

Содержание дел по оскорблению особы государя показывает, что разговоры и споры о царе среди крестьян становятся обычным явлением и ведутся в различных общественных местах: трактирах, ярмарках, сельских сходах. Среди обвиняемых в оскорблении царя в основном фигурируют «раскрестьяненные» крестьяне: отходники; лица, проживающие в городе, но приписанные к сельскому обществу; сельские люмпены; кабатчики; мелкие скупщики и перекупщики. Свидетелями, а иногда и доносчиками, как правило, выступали «истовые» крестьяне – домохозяева, имеющие земельный надел. Эти факты свидетельствуют, что в сознании некоторых крестьян в конце XIX в. происходит *десакрализация образа царя* как Божьего избранника, когда идеальный образ царя уже не соответствовал ожидаемому и реальному образу государя. Отдельные крестьяне выражают недовольство или даже враждебность к царю в форме бытовой ругани.

Таким образом, сельская община в пореформенной деревне представляла собой особый социум и была типичной формой хозяйственной и общественной жизни крестьян в доиндустриальном обществе. Особенностью деревни центральных губерний в конце XIX в. была занятость крестьян неземледельческими видами деятельности: кустарными промыслами и отходничеством в города, в промышленность и в сферу услуг. Отходничество в города расширяло кругозор крестьян и повышало общий уровень культуры, делало их восприимчивыми к новым ценностям и элементам городской культуры. В тех селениях, где крестьяне были втянуты в отходничество и в рыночные отношения, наметились перемены в крестьянском укладе жизни и в межличностных отношениях в общине. В деревне стал формироваться этос богатства. Теперь на статус крестьянина в общине влияли не возрастные, а социальные факторы. Всё это расшатывало традиционные устои общины, представления крестьян о собственности и богатстве. Однако общинные архетипы: поведение, социальные представления, духовные ценности и идеалы сохранялись еще длительное время. Одно из последствий отходничества – протест части молодежи против общинных порядков, который иногда приводил к девиантному поведению: пьянству и хулиганству.

Для большинства крестьян сакральным символом государства являлся образ царя, как народного заступника. Однако в сознании некоторых крестьян царь постепенно теряет идеальный образ царя-заступника, что выражалось в случаях его оскорбления. В целом же община ещё сохраняла свои традиционные устои и черты, являлась хранителем и транслятором хозяйственного и социального опыта, духовных ценностей крестьян.

¹⁶¹ Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С.36.

¹⁶² ГАТО. Ф.56. Оп.1. Д.11254. Л.1–8; Д.11379. Л.1–5; Д.11456. Л.2–7.

§ 2. Православная церковь и крестьянство

Религия и церковь оказывали влияние на повседневную и духовную жизнь крестьянства, а вся религиозная жизнь деревни была связана с *церковным приходом* и деятельностью приходского духовенства. Приход был низшей церковно-административной единицей, имел свой храм с причтом, состоящим из священнослужителей (священники и дьяконы), церковнослужителей или причетников (псаломщики, чтецы и дьячки) и содержащей их церковной общины – то есть прихожан из близлежащих селений. Обычно большинство сельских приходов имели небольшой клир, состоящий из священника, дьякона и причётника. Представители каждой группы имели различный духовный статус и разные обязанности при исполнении церковных обрядов: священник совершал таинства и обряды, дьякон помогал ему в этом, а псаломщики предназначались для придания службе торжественного характера. Главой причта являлся священник. Для занятия церковных должностей существовал минимальный возрастной ценз: для священника – 30 лет, дьякона – 25, псаломщика – 15 лет.

Деятельность клира осуществлялась в тесном взаимодействии с приходской общиной. На приходских собраниях прихожане из своей среды избирали членов приходского попечительства, председателем которого являлся настоятель храма. Для ведения церковного хозяйства из наиболее уважаемых прихожан на три года избирался церковный староста, который утверждался епархиальным начальством. Прихожане были обязаны содержать церковный причт, оказывать помощь в ремонте и строительстве церковных зданий. Они не имели права избирать или назначать настоятеля храма, этим правом обладал епархиальный архиерей. За прихожанами оставалось право подавать жалобы на священника и, если они были обоснованы, то того могли перевести в другой приход или в худшем случае – лишить священнического сана. Примерно от 10 до 30 церквей объединялись в благочинный округ во главе с благочинным. Обычно из 2-3-х старших священников избирался благочинный совет, который следил за состоянием церквей и причтом, разбирал спорные дела. Благочинные округа непосредственно подчинялись епархиальному архиерею и духовной консистории. Архиерей осуществлял управление и суд в епархии вместе с духовной консисторией, члены которой избирались архиереем из чёрного и белого духовенства, а также с помощью благочинных, назначаемых архиереем.¹⁶³

Подготовка священнослужителей осуществлялась в высших учебных заведениях – духовных академиях, средних – семинариях и училищах, низших – епархиальных училищах. Священники получали не только богословское, но и разностороннее общее образование. Они изучали литературу, историю, географию. С 1900 г. были введены новые предметы: музыка, рисование, иконопись, основы земледелия и пчеловодства, токарное, столярное и переплётное дело. Изучался специальный педагогический курс с прохождением практики, что впоследствии могло пригодиться в священнической деятельности на селе и в работе учителем в церковно-приходской школе или в епархиальном училище.

Статистические данные свидетельствуют, что по уровню грамотности духовенство не уступало дворянству. В 1857 г. средний уровень грамотности среди дворян старше 9 лет составлял 77 %, а среди духовенства – 72 %, в 1897 г. – соответственно 86 и 89 %. Среди духовенства лица, имеющие высшее и среднее образование, составляли 58,5 %. В Тверской губернии в 1897 г. доля лиц духовного звания с высшим и средним специальным образованием была выше и составляла 97,6 %.¹⁶⁴

¹⁶³ Доброклонский А.П. Руководство по истории церкви (1700–1890). Вып.4. М., 1893. с. 18; Ростиславов Д.И. О православном белом и чёрном духовенстве в России. Т.2. Лейпциг, 1866. с. 388; Устройство православной церкви. Её учреждения и действующие узаконения по её управлению. // Сост. Чижевский И. Харьков, 1898. с. 11.

¹⁶⁴ Общий свод данных переписи населения 1897 г. Т.1. СПб., 1905. с. 150–151, 200–202; Миронов Б.Н. История в цифрах. Л., 1991. с. 85.

Реформы 1860—1870-х гг. сказались и на духовенстве: в 1867 г.

был отменен порядок наследования церковных должностей. С 1869 г. дети священников и церковных служащих отчислялись от принадлежности к духовному званию и получили право свободно получать профессию.¹⁶⁵ Была отменена традиция, по которой мужчины из духовного сословия обязаны были жениться на дочерях духовных лиц.¹⁶⁶ Поэтому в конце XIX – начале XX в. сословная замкнутость духовенства стала размываться: выходцы из других социальных слоев стали поступать в духовные учебные заведения, но из-за невысокого жалования и непристизности не шли на церковную службу. По данным церковного ведомства, за 1880–1914 гг. доля представителей светских сословий среди семинаристов выросла с 8 до 16,4 %, а среди учащихся духовных училищ – до 25,3 %, но их доля среди священнослужителей составляла только 1,5 %. Многие шли учиться в духовные учебные заведения не для будущего духовного служения, а ради получения образования. К тому же из-за малого количества вакансий спрос на новых кандидатов был невелик. В 1914 г. из 2187 выпускников 57 семинарий только 47,1 % служили в духовном ведомстве, 39,1 % выпускников продолжали образование в светских учебных заведениях, 4 % поступили на гражданскую службу или работали учителями в школах и гимназиях.¹⁶⁷ В обзоре деятельности Синода за 1915 г. отмечалось, что дороговизна жизни, неопределённость источников существования и материальная зависимость духовенства от прихожан удерживает детей духовенства – воспитанников семинарий от принятия священства.¹⁶⁸

В начале XX века в крупнейших епархиях России: Владимирской, Московской и Тверской насчитывалось 3169 сельских и городских приходских церквей. В них несли службу 190 протоиереев, 3783 священника, 1568 дьяконов и 3967 псаломщиков. Удельный вес духовенства по губерниям в составе населения составлял от 0,5 до 1,0 %.¹⁶⁹

Роль приходского духовенства на селе была чрезвычайно велика. Кроме пастырской службы, священнослужители выполняли некоторые *административные обязанности*, тесно связанные с их основной деятельностью: вели метрические книги, составляли отчёты о родившихся, вступивших в брак и умерших; составляли списки пропустивших исповедь и причастие; боролись с раскольниками и составляли о них ежегодные списки для властей; контролировали лояльность паствы; доносили властям о непосещении церкви прихожанами, о несоблюдении ими постов; были обязаны зачитывать неграмотному крестьянскому населению царские указы. Кроме этого, на них возлагались и другие обязанности: обучение грамоте в церковноприходских школах, преподавание Закона Божьего школьникам, проповедническая и просветительская деятельность среди взрослого населения. Самой главной задачей духовенства было: нести Слово Божье своим прихожанам, воспитывать в них духовно-нравственные ценности в соответствии с церковными канонами. Выполнение этих сложных и разнообразных обязанностей требовало обширных знаний и подвижничества. Поэтому успех священнической деятельности во многом зависел от личности пастыря и его взаимоотношений с прихожанами.

По своему происхождению, уровню жизни и условиям быта сельское духовенство было близким к крестьянству, хотя и имело ряд привилегий: священнослужители и их дети были освобождены от воинской повинности, уплаты натуральных налогов, телесных наказаний.

¹⁶⁵ Бердинских В.А. Приходское духовенство во 2-ой половине XIX в. и изучение истории. // Российская провинция XVIII–XIX в. Материалы Всероссийской конференции. Кн.1. Пенза, 1996. с. 212.

¹⁶⁶ См.: Верховский П.В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX столетии. Вып.1. Варшава, 1912.

¹⁶⁷ Обзор деятельности духовного ведомства за 1915 г. Пг., 1917. с. 61, 63–64, 67.

¹⁶⁸ Там же. С.50.

¹⁶⁹ ЦИАМ. Ф.203. Оп.748. Д.88. Л.17; Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь. Т.1. СПб., 1913. с. 524; Добровольский И. Тверской епархиальный статистический сборник. Тверь, 1901. с. XXI–XXIV; Рубакин Н. Россия в цифрах. Страна – Народ – Сословия – Классы. М., 1912. с. 45.

Лица духовного звания не имели права заниматься предпринимательской деятельностью, владеть фабриками и заводами, посещать театры, кинематограф и другие зрелища.

На рубеже XIX – XX вв. в условиях начавшейся модернизации в российском обществе произошли существенные социально-экономические, политические и культурные сдвиги, но положение церкви в государстве, внутрицерковная структура и статус духовенства практически не изменились. Синодальная церковная система, превратившая церковь и клир в часть государственно-бюрократического аппарата, ущемляла права епархиального епископата и приходского духовенства. Сельское духовенство, сдавленное государственной и духовной властью, застывшее в традиционализме и косности, уже не удовлетворяло запросы наиболее социально активной части крестьянства, особенно молодёжи.

Однако в изменившихся условиях жизни российского общества церковь начинает принимать более активное участие в общественно-культурной жизни прихожан. Это проявилось в усилении проповеднической, просветительской и филантропической деятельности приходского духовенства: создавались приходские попечительские общества благотворительности, обществ народной трезвости, некоторые священники являлись гласными уездных земств, работали земскими корреспондентами, учителями церковно-приходских школ.

В пореформенный период в среде демократической интеллигенции сложился *отрицательный образ сельского священника*. Он нашёл своё отражение в произведениях писателей и публицистов, на полотнах художников-передвижников. В формировании отрицательного отношения к роли православной церкви в обществе и к служителям культа свой «вклад» внесла и отечественная историческая наука советского периода. В работах советских историков церковь предстаёт душителем прогресса, свободы и мысли, а священнослужители всегда обвинялись в паразитизме, своекорыстии и невежестве.

Однако многие факты, зафиксированные в церковной мемуаристике, документы епархиальных ведомств, извлеченные из архивов, свидетельствуют, что значительная часть сельского духовенства жила в нелёгких материальных условиях, вела подвижнический образ жизни, активно участвовала в общественных делах своего прихода или благочинного округа. Тем не менее, бывали и случаи «неканонического поведения» духовенства в повседневной жизни, что снижало их авторитет у верующих и отталкивало прихожан от церкви.

После архиерейского возведения в сан священник получал должность в приходе. Все приходы делились на «безокладные» и «с окладом», поэтому жалованье от казны получали немногие служители культа. Так, в Тверской епархии в 1900 г. на содержание причтов из государственного казначейства было выделено 161 762 рубля, а пользовались жалованьем из 1204 причтов только 735 причтов, причём только 174 причта имели увеличенный оклад: священники – 300 рублей, дьяконы – 150 рублей, псаломщики – 100 рублей в год.¹⁷⁰ В епархиях России незначительная часть старших священников – протоиереев получала 700—1000 руб. в год. Оклад большинства сельских священников был небольшим и составлял 80—100 руб. в год. По указанию Синода, при условии выслуги в 35 лет приходскому духовенству полагалась пенсия – 90 руб. в год.¹⁷¹ Поэтому значительная часть сельского духовенства «кормилась» за счет приходской общины. Для содержания клира крестьянская община из своего земельного фонда выделяла от 30 до 60 десятин на причт. Эти земли отдавались клиру во владение при условии исполнения церковной службы. В 1870-1880-е гг. церковный надел постепенно превратился в фактическую собственность и переходил по наследству, стал предметом гражданских сделок. Церковные здания вместе с инвентарем и предметами культа принадлежали приходу, а не причту.

¹⁷⁰ Добровольский И. Тверской епархиальный статистический сборник. с. XXVI.

¹⁷¹ Доброклонский А.П. Указ. соч. С. 136, 186.

Доходы, получаемые за службу, делились между священником, дьяконом и псаломщиком в пропорции 4:2:1, поэтому большинство служителей культа жили скромно, хотя часть клира в больших сельских приходах и городах была обеспеченной. Митрополит Евлогий, выросший в семье сельского священника, вспоминая о своем детстве, писал: «Жили мы бедно, смиренно, в зависимости от людей с достатком, с влиянием. Правда, на пропитание хватало, были у нас свой скот, куры, покос... кое-какое домашнее добро. Но всякий лишний расход оборачивался сущей бедой».¹⁷²

О хозяйственных заботах сельского священника свидетельствует и И.С. Белюстин, который после окончания семинарии, чтобы получить место священника в селе Васисино Калязинского уезда Тверской губернии, женился на дочери сельского священника. Впоследствии он учился в духовной академии, писал статьи в церковные журналы, но по службе не продвинулся, так как критиковал благочинного и епархиальное начальство. И.С. Белюстин происходил из семьи городского священника, и для него было непривычно заниматься сельскохозяйственным трудом на девяти церковных десятинах. Он пытался сдать свой надел в аренду, но желающих платить за «поповские пески» не нашлось, а обрабатывать его участок крестьяне не соглашались даже за 300 рублей в сезон. Пришлось прибегнуть к традиционным крестьянским помочам. «Эта пытка, – пишет священник, – длилась три года. Помощники собирались из разных деревень и главным образом для того, чтобы по пьянствовать за поповский счет. Несмотря на договор и добровольное согласие, приходилось уговаривать каждую бабу – каждый считал нужным помолиться. Работали плохо и лишь под надзором. После трёх лет пришлось забросить надел».¹⁷³

Об оскудении сельского духовенства в неурожайный 1896 год доносил архиепископу Владимирскому и Суздальскому Феогносту благочинный 2-го округа Владимирского уезда священник А. Гортулянский, который отмечал, что «церковные земли, арендуемые так или иначе крестьянами, начали упадать в ценах и худо оплачиваться или вовсе оставаться на заботы самого духовенства...».¹⁷⁴

Часто главным источником существования большинства сельского духовенства оказывались доходы за требоисправления и пожертвования прихожан. Требы обычно исправлялись в храме, и за их исполнение устанавливались размеры платежей: за крещение младенца брали 6 копеек; за венчание – 20 копеек; за погребение младенца – 6 копеек; а отпевание взрослого – 20 копеек.¹⁷⁵ Денег у крестьян часто не было, и они расплачивались продуктами своего труда: несли священнику в храм зерно, холст, хлеб, яйца, птицу. Эти расчеты иногда вызывали недовольство у обеих сторон – священнику приходилось унижаться во время торга за требы, а крестьянам испытывать «недоброе чувство зависимости от “хищника”, посягающего на крестьянское добро».¹⁷⁶

Социальный статус служителей культа в сельском сообществе формально считался высоким. Это сословие было не благородное, но и не подлое, не богатое, но и не бедное.¹⁷⁷ Реально же положение сельских клириков было не завидным, по своему образу жизни они были близки к крестьянам. Один из земских корреспондентов из Вышневолоцкого уезда Тверской губернии отмечал: «Духовенство стоит между народом и помещиком... оно ненавидит помещиков, потому что они не приняли их в общество и презирают их; ненавидит и крестьян, потому что

¹⁷² Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. с. 17.

¹⁷³ Белюстин И.С. Из заметок о пережитом. Период служебной деятельности в селе. 1839–1848. // ГАТО. Ф.103. Оп.1. Д.1307. Л. 3–4об.

¹⁷⁴ ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.3878. Л.7об.

¹⁷⁵ Доброклонский А.П. Указ. соч. с. 181.

¹⁷⁶ Евлогий. Указ. соч. С.18.

¹⁷⁷ Конюченко А.И. Русское православное духовенство во второй половине XIX – XX в. // Социально-политические институты провинциальной России: (XVI – начало XX в.). Челябинск, 1993. с. 76.

15–20 копеек за молебен приходится долго выколачивать». «С живого и мертвого дерёт, – говорили про них крестьяне, – народ разучает в Бога веровать».¹⁷⁸ Ещё в начале 1860-х гг. известный церковный публицист Д.И. Ростиславов писал, что белое духовенство потеряло любовь и уважение во всех сословиях, некоторых священников любят и уважают, но целое сословие презирают.¹⁷⁹

Составляющие часть государственного аппарата и материально незащищенные со стороны государства, зависимые от прихода сельские священники часто вызывали у крестьян сомнение в значимости их профессии. Порой это даже порождало неприязнь между ними и прихожанами, в конечном же счете страдала сама вера. В начале XX в. Синод был вынужден признать, что в деревне происходят столкновения крестьян с причтом из-за платы за требы: «Вынужденное изыскивать средства путём вознаграждения за требоисправления духовенство приходит иногда в столкновение с прихожанами».¹⁸⁰

Поэтому неслучайно в начале XX в. на страницах центральной церковной прессы, в докладах епархиальных комиссий по вопросам о поднятии религиозно-нравственного состояния народа раздавались просьбы и пожелания «скорейшего обеспечения духовенства казённым жалованием».¹⁸¹

Ежедневные служебные дела и хозяйственные заботы оставляли мало времени служителям церкви для их интеллектуального самосовершенствования. Немногие из сельского клира интересовались богословскими трудами, составляли и произносили самостоятельные проповеди с церковного амвона. Из-за нехватки средств многие священники не могли купить и выписать себе книги, журналы и газеты и в лучшем случае читали «Епархиальные ведомости». Архиепископ Савва так писал о Тверском приходском священстве: «Наше белое духовенство не любит тратить своих денег на книги, особенно серьёзного содержания, а выписать на церковные суммы старосты не позволяют».¹⁸²

В церковной мемуаристике содержится немало примеров, когда повседневные заботы о содержании семьи и обучении детей, жизнь в деревенской глубинке надламывали сельских клириков. Некоторые из них морально деградировали и отличались «неканоническим поведением». Наиболее распространенным проявлением такого поведения было *пьянство*. «Редко проходит неделя, – писал архиепископ Савва, – чтобы не получал я жалоб и доносов на нетрезвость не только причётчиков, но и священников».¹⁸³ Таких клириков приходилось отправлять для исправления в монастыри, а иногда лишать сана.

Религиозность крестьянского мира находила свое отражение, как в прямых, так и в опосредованных формах. Прямые формы – это поддержка населением церкви: коллективные и личные пожертвования, расходы сельских обществ на религиозные цели, плата за требы, соблюдение постов, религиозных обрядов и праздников. Опосредованная форма (на что всегда обращалось внимание) – это выполнение прихожанами норм христианской морали в семье, быту и в обществе.

Церковноприходские дела не входили в компетенцию сельских и волостных сходов, но крестьяне относились к церковным делам своего прихода как к особой разновидности мирских дел и забот.

¹⁷⁸ ГАТО. Ф.800. Оп.1. Д.6933. Л.18.

¹⁷⁹ Ростиславов Д.И. Указ. соч. Т.2. с. 373, 374–398.

¹⁸⁰ Всеподданейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1901 г. СПб., 1905. с. 48.

¹⁸¹ См.: Церковный вестник. 1905. № 5; ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.4856. Л.2.

¹⁸² Савва, архиепископ. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т.1. Сергиев-Посад, 1898. с. 382.

¹⁸³ Там же. Т.6. с. 247.

В мирских расходах сельских обществ предусматривалась статья на церковные и религиозно-нравственные надобности. Приговоры крестьянского мира о сборах средств в пользу церкви для всех крестьян были обязательными и строго контролировались. Расходы на церковь и религиозные потребности были различными и зависели от местных обычаев и решений сельских сходов. В 1881 г. *расходы на церковные нужды* были невелики и составляли во Владимирской губернии – 1,7 %, в Тверской – 0,5 %, Московской – 0,1 % всего мирского расходного бюджета.¹⁸⁴ В последующие годы они постоянно росли и в 1892 г. уже составляли: в Московской губернии – 9,0 %, во Владимирской – 5,8 %, в Тверской – 3,9 % мирских расходов. Средняя сумма мирских расходов сельских обществ на эти цели составляла на одно общество соответственно: 559, 383 и 322 руб. Эти средства шли на постройку и ремонт церквей и часовен, содержание причта, церковных старост, просвирен и регентов. Эти же средства использовались на общественные церковные требы: молебны, панихиды, вечные поминания разных лиц, приобретение и освящение икон, крестные ходы по полям и на содержание кладбищ.¹⁸⁵ В 1905 г. среди статей всех мирских расходов четвертое место по величине занимали расходы на религиозные потребности: по 50-ти губерниям они составляли – 9,3 % мирского расходного бюджета, в губерниях Центрально-промышленного района – 7,5 %. На эти цели на одну душу мужского населения приходилось 17,3 и 18,3 копеек расходов. Для сравнения отметим, что на народное образование крестьянский мир расходовал 9,2 % и 4,0 % своего бюджета, на одну наличную душу соответственно 17,1 и 9,9 коп.¹⁸⁶

Важной особенностью церковной жизни всегда являлась *благотворительность*. Она особенно активизировалась после принятия в 1864 г. «Закона о приходских попечительствах при православных церквях». Приходские попечительства создавались на общественных началах и с разрешения епархиального архиерея. Целью этих попечительств была забота «о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также об устройстве первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода».¹⁸⁷ В состав попечительств входили: местный священник, церковный староста и несколько членов попечительского совета, избираемые из числа прихожан. В сельских приходах в попечительский совет входил еще и волостной старшина. Председателем попечительского совета обычно избирали наиболее благочестивого и преданного вере прихожанина. Епархиальное начальство принимало годовые отчеты и контролировало деятельность попечительств. Попечительские средства пополнялись в основном за счет добровольных личных и коллективных пожертвований прихожан и других жертвователей. Средства попечительств шли по трем направлениям: в пользу церкви, в пользу причта, для школ и благотворительных учреждений. Все благотворительные учреждения, относящиеся к ведомству православного вероисповедания, делились на три группы: приходские попечительства и братства; самостоятельные заведения при церквях; учреждения для лиц духовного звания. Епархиальное начальство принимало годовые отчеты и контролировало деятельность попечительств. В начале XX в. число приходских попечительств стало увеличиваться. В России в 1900 г. насчитывалось 1948 попечительских обществ, в них имелось 1103 благотворительных учреждений. По количеству благотворительных учреждений приходские попечительства в России занимали второе место после частных.¹⁸⁸ В Московской епархии в 1900 г. было 69 попечительств, в 1904 г. – 124, а в 1912 г. уже 154 попечительства. В Тверской епархии в 1900 г. действовали свыше ста, а в

¹⁸⁴ Мирские расходы крестьян за 1881 г. СПб., 1886. с.264–265.

¹⁸⁵ Мирские доходы и расходы за 1892–1894 гг. в 50-ти губерниях Европейской России. СПб., 1897. с. 8–9, 19.

¹⁸⁶ Мирские доходы и расходы за 1905 г. в 50-ти губерниях Европейской России. СПб., 1909. с. XXI – XXVI.

¹⁸⁷ Максимов Е.Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903. с. 104.

¹⁸⁸ Благотворительные учреждения Российской империи. Составлено по Высочайшему повелению Собственною Его Императорского Величества канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии. Т.1. СПб., 1900. с. 41.

1912 г. – 207 приходских попечительств. В этом же году во Владимирской епархии было только 34 попечительства.¹⁸⁹

Церковь и прихожане принимали участие в общественной благотворительности. По решению Святейшего Синода с 1881 г. по всем приходам ежегодно стали проводиться сборы пожертвований на пятой неделе Пасхи в пользу слепых. Кружечный сбор, проводимый в 1900 г. по всей России в пользу слепых, дал 40 тыс. руб.¹⁹⁰ Церковь выступила инициатором по сбору пожертвований по подписным листам и кружечному сбору в пользу голодающих крестьян. В Московский епархиальный комитет помощи голодающим только с 1 по 30 июня 1892 г. поступило более 140 тысяч рублей. На средства, собранные населением губерний Волжского бассейна, была построена церковь при истоке реки Волги в деревне Волговерховье. Кроме специальных пожертвований, проводились и памятные: в 1896 г. по инициативе духовенства среди крестьян губерний начался сбор пожертвований на сооружение в городе Москве храма в память освобождения крестьян от крепостной зависимости. Такие же коллективные пожертвования проводились крестьянами для строительства в селах церквей в честь 50-летия отмены крепостного права. В 1904 г. в Московской епархии в ходе кружечного и кошелевского сборов было получено 667,7 тыс. руб. Эти средства пошли на церкви, содержание богаделен, приютов, на лечение больных и раненых воинов.¹⁹¹

Епархиальные и приходские попечительства оказывали помощь неимущим, престарелым и больным прихожанам, сиротам и увечным воинам. Для этого по инициативе духовенства в крупных приходах и в сельской местности открывались богадельни, приюты и больницы. Богадельня буквально понимается как «Божье дело» – одно из благотворительных учреждений, где призреваемые находились на полном иждивении. Они существовали при монастырях и храмах, где нуждающиеся получали бесплатное питание, одежду и обувь, а также ежемесячное пособие – 2–3 руб. К Рождеству и Пасхе выдавалось единовременное пособие в 10 руб. Для лиц духовного звания открывались специальные приюты и богадельни. В Московской епархии в 1895 году действовало 112 богаделен, из них 101 при церквях, в 1905 г. при церквях имелись 231 богадельня и больница, на содержание которых было израсходовано более 241 тыс. руб. В Тверской епархии в том же году на пожертвования церквей и монастырей содержалось 165 приютов, 12 богаделен и 6 больниц.¹⁹² Например, при Воскресенском Новоторжском монастыре был открыт сиротский приют, где на средства монастыря содержались и обучались 50–60 девочек из семей священников и крестьян. Ржевское Дионисиевское православное братство содержало сиротский приют для мальчиков, которых обучали различным ремёслам.¹⁹³

Следует отметить, что некоторые священнослужители внесли большой вклад в благотворительные дела. Широкой известностью в церковных кругах и у общественности пользовалась филантропическая деятельность Московского митрополита Владимира, занявшего эту кафедру в 1898 г. Он организовывал различные благотворительные общества, просветительные курсы и народные чтения, активно боролся с пьянством, создавая общества трезвости.¹⁹⁴ Протоиерей Г.П. Смирнов-Платонов из Николо-Ямской церкви на Арбате долгое время работал в Московском отделении попечительства о слепых, а в 1897 г. открыл глазную амбула-

¹⁸⁹ Полный Православный Энциклопедический Словарь. Т.2. с. 524, 2150, 1602; ЦИАМ. Ф.203. Оп.748. Д.88. Л.19.

¹⁹⁰ Благотворительная Россия: История государственной, общественной и частной благотворительности. СПб., 1901. С.113; ЦИАМ. Ф.203. Оп.748. Д.88. Л.25–26.

¹⁹¹ Церковные ведомости. 1892. № 3. С.175; ГАТО. Ф.56. Оп.1. Д.1985. Л.8.

¹⁹² Сборник справочных сведений о благотворительности в Москве. М., 1901. С.74; Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь. Т.2. С.1602; ГАТО. Ф.160. Оп.1. Д.7414. Л.160; Тверской епархиальный вестник. 1905. № 7. с. 172; ЦИАМ. Ф.203. Оп.748. Д.88. Л.14–16.

¹⁹³ Савва, архиепископ. Указ. соч. 165–166; Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII–XIX вв.). Историческая справка. М., 1899. с. 114.

¹⁹⁴ Бураков Ю.Н. Под сенью монастырей московских. М., 1991. с. 242; Полный Православный Богословский Энциклопедический Словарь. Т.1. с. 532.

торию в Сергиевом-Посаде. Священник С. Пермский из подмосковного села Нахабино много сил отдавал для отвращения крестьян от пьянства.¹⁹⁵ Многие священники принимали участие в открытии благотворительных учреждений, работали в попечительских советах, лично вносили пожертвования на благотворительные нужды.¹⁹⁶

Свой вклад в благотворительные дела вносили и крестьяне, некоторые из них являлись членами приходских попечительских советов. Иногда разбогатевшие крестьяне жертвовали в пользу церкви большие суммы денег. Так, крестьянин деревни Тимино Владимирской губернии Павел Матвеев пожертвовал на роспись церкви 3523 рубля, а в 1881 г. дал на ремонт еще 1394 рубля. По ходатайству епархиального начальства он был дважды награжден серебряной медалью «За усердие», вначале на Станиславской, а затем на Аннинской лентах.¹⁹⁷ В 1889 г. крестьянка Наталья Устинова из Московской губернии внесла в церковь села Восковское 27100 руб. Крестьянин Егор Раков из деревни Шаинково Верейского уезда Московской губернии в 1899 г. пожертвовал в пользу церкви 1500 рублей. В Тверской губернии крестьянин Иван Зубарев внес вклад в сумме свыше 10 тысяч рублей в церковь села Броды Старицкого уезда.¹⁹⁸ Однако такие крупные личные пожертвования крестьян были редкими. Обычно многие крестьяне оказывали помощь в ходе кружечных сборов.

В фондах духовных консисторий сохранилось немало дел о личных и коллективных пожертвованиях крестьян в пользу церквей, часовен, богаделен, на приобретение различной церковной утвари и на поддержание причта. В годовых отчетах за 1895 г. Ржевского и Зубцовского попечительских обществ архиепископу Тверскому и Кашинскому Савве благочинные Алексей Мещанский и Михаил Рязанцев отмечали, что крестьяне вкладывали различные суммы от 100 до 900 рублей. Средства шли на отливку колоколов, приобретение церковной утвари, облачений для священников и дьяконов. Чаще же всего дарили утварь: хоругви, паникадила, дарохранительницы, иконы, серебряные и позолоченные оклады.¹⁹⁹ В ведомости о пожертвованиях, поступивших в церкви Московской епархии за 1899 г., значилось, что из 47 крупных пожертвований 11 были сделаны крестьянами. В основном все деньги использовались на украшение храмов, в пользу причта, на общественные молебны и на вечное поминовение.²⁰⁰

Однако иногда крестьяне отказывались вносить пожертвования на церковные нужды. Причины были разные: неурожайные годы, нехватка денег, а иногда неверие и равнодушие. В рапорте архиепископу Владимирскому и Суздальскому Феогносту в 1891 г. отмечалось, что в ряде приходов церковные старосты были вынуждены устраивать общественные попойки крестьян, чтобы те внесли пожертвования в пользу храма. Иногда крестьяне не соглашались оказывать хозяйственную помощь духовенству в ремонте храмов и заготовке дров без угощения водкой.²⁰¹

Ведомости с отчетами о пожертвованиях, поступившие в духовные консистории Московской, Владимирской и Тверской епархий свидетельствуют, что собранные с крестьян средства использовались церковью и приходскими попечительствами не только на строительство и ремонт храмов и содержание причта, но и на благотворительные и просветительно-миссионерские цели: строительство и содержание церковноприходских школ, комплектование книгами церковных библиотек, на детские приюты, богадельни, на помощь больным и престарелым прихожанам, раненым и увечным воинам. Много средств расходовалось на издание и бесплатное распространение книг, брошюр и листовок духовно-нравственного и религиозного

¹⁹⁵ Трудовая помощь. 1898. № 4. с. 192; Вестник благотворительности. 1900. № 2. с. 107.

¹⁹⁶ Вестник благотворительности. 1897. № 7. с. 39; Там же. 1900. № 1. с. 85; Трудовая помощь. 1904. № 6. с. 112.

¹⁹⁷ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3410. Л. 1–3.

¹⁹⁸ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 748. Д. 67. Л. 1–3.; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7456. Л. 69.

¹⁹⁹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7456. Л. 14, 18, 20, 23, 40, 69.

²⁰⁰ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 748. Д. 67. Л. 1–3.

²⁰¹ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3587. Л. 2об., 3–5.

содержания. Выделялись средства на строительство и содержание православных школ и церквей в Западном крае, на Кавказе и в Сибири, на улучшение быта русских паломников в Палестине и на оказание помощи нуждающимся славянам на Балканах.²⁰²

Таким образом, имеющиеся сведения позволяют сделать вывод, что духовенство принимало активное участие в благотворительных делах не только своего прихода или епархии, но и в благотворительных акциях всероссийского масштаба. Эта деятельность носила не только христианский, но и общественный характер. Свою лепту в благотворительность вносили и крестьяне, делая вклады в монастыри и церкви, тем самым оказывая помощь приходским школам и нуждающимся в ней односельчанам.

Православная церковь занималась не только благотворительностью, но и просветительной деятельностью, религиозно-нравственным воспитанием верующих. Для этих целей в епархиях создавались различные православные братства. Эти братства имели свои школы, типографии, больницы, вели просветительную и миссионерскую деятельность. При Московской епархии под председательством епископа Дмитровского Трифона было создано Кирилло-Мефодьевское братство. В епархии действовали 15 его отделений, в которых было 30 пожизненных членов, 203 действительных и 550 членов-соревнователей. Братство издавало массовым тиражом брошюры и листовки, распространило среди верующих более 362 тыс. книг религиозно-нравственного содержания. Под патронажем братства действовали 538 церковно-приходских школ, в том числе 70 школ грамоты и 14 воскресных школ, в которых обучалось 29.060 учащихся. Кроме общеобразовательных предметов, учащиеся занимались вышиванием, столярным и переплетным делом, изучали основы агрономии и пчеловодства. При приходских церквях имелось 57 библиотек в основном с книгами духовно-нравственного содержания, по русской и церковной истории.²⁰³ Владимирское братство святого князя Александра Невского в конце XIX в. ежегодно устраивало в городах и сёлах губернии народные чтения по вопросам православия, церковной и гражданской истории, а также лекции о природе. Некоторые отделения братства имели бесплатные библиотеки-читальни для народа.²⁰⁴ В Тверской епархии действовали братства: Ржевское и Дионисиевское, образованное в 1874 г., и самое крупное – братство святого благоверного князя Михаила Ярославича, учрежденное в 1884 г. Братства открывали церковные школы и занимались религиозно-нравственным воспитанием народа. При многих приходских церквях и школах устраивались книжные склады и библиотеки.

Братство князя Михаила Ярославича следило за нравственностью прихожан и неоднократно обращалось к губернатору и местным властям с просьбой запретить праздничные разгулы молодежи в селениях во время посиделок и в ночное время.²⁰⁵

Большой вклад вносило духовенство в *борьбу с алкоголизмом* среди крестьян. После указа Синода от 5-11 июля 1889 г., в котором служители церкви призывались «содействовать правительству» в борьбе с пьянством, в епархиях и приходах стали создаваться приходские попечительства и общества трезвости, призванные словом и проповедью «отвлекать народ от питейных заведений».²⁰⁶

Приходские попечительства о народной трезвости действовали, как и правительственные общества, по уставу от 20 декабря 1894 г. В отличие от попечеств о народной трезвости, ставивших цель предотвратить «неумеренное потребление питей», религиозно-трезвенные общества добивались распространения в народе абсолютной трезвости. Духовенство

²⁰² ЦИАМ. Ф.203. Оп.748. Д.88. Л.25–26; ГАТО. Ф.160. Оп.1. Д.7465. Л.1–12; ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.4894. Л.9 об.

²⁰³ ЦИАМ. Ф.203. Оп.748. Д.88. Л.19, 39, 40, 41, 46–48.

²⁰⁴ ГАВО. Ф.14. Оп.4. Д.1160. Л.12, 16, 24; Вахтеров В. Народные чтения. СПб., 1897. с. 84.

²⁰⁵ ГАТО. Ф.160. Оп.1. Д.7414. Л.170; Д.11455. Л.18–21; Д.11605. Л.7–8.

²⁰⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 гг. СПб., 1911. с. 138.

исходило из того, что при помощи религиозно-нравственных принципов можно внести в народ «трезвость, мир, любовь и христианские навыки». Поэтому основной формой в организации антиалкогольной деятельности стала «мирная культурная работа». Духовное ведомство, стремясь «отрезвить» народ, пыталось оздоровить и само духовенство, часть которого была подвержена пьяному недугу, о чем свидетельствуют журналы духовных консисторий.

Церковное общество трезвости имело свой устав и программу действий, утвержденные епархиальным архиереем и гражданскими властями. Каждое общество приписывалось к приходу, во главе которого стоял священник, ежегодно отчитывавшийся за работу перед епархиальным начальством. В члены общества трезвости принимались все православные обоюбого пола, пожелавшие бросить пить. Прием в общества происходил после молебна перед Святым Крестом и Евангелием, а вступающий в общество давал обет не пить «ни водки, ни пива, ни вина» в течение определенного времени. Срок обета трезвости в каждом обществе был разный: от одного месяца до одного года.

Общества трезвости устраивали в школьных зданиях, библиотеках-читальнях или в чайных религиозно-нравственные противоалкогольные чтения, обсуждали меры борьбы с пьянством среди крестьян, распространяли среди них листовки и брошюры. В качестве примера можно привести деятельность нескольких обществ трезвости. Тверское Власьевское Казанское общество было образовано священником Н. Лебедевым. На членские взносы были открыты три чайные, дешёвая столовая и ночлежный приют для приезжих крестьян. В 1900 г. в общество входило 3700 человек. На средства общества были устроены библиотека, две колонии: одна для беспризорных детей, другая для лечения алкоголиков.²⁰⁷ В селе Борисово Московского уезда общество трезвости было создано 2 февраля 1910 г. В нем состояло 97 членов, в основном крестьяне. В течение года выбыло 25 человек, в том числе 9 были исключены за нарушение обета воздержания от водки. Члены общества собирались в чайной, пили чай, слушали беседы и читали статьи из журналов «Трезвая жизнь», «Трезвые всходы» и распространяли листовки антиалкогольного содержания среди крестьян.²⁰⁸ В Свято-Никольском обществе трезвости села Ундола Владимирского уезда Владимирской губернии священники Виноградов и Преображенский читали лекции с «туманными» картинками на антиалкогольные темы: «Пить до дна – не видать добра», «Сиротские слезы», «Тонул да всплыл» и т. д.²⁰⁹

²⁰⁷ ГАТО. Ф.800. Оп.1. Д.13127. Л.10.

²⁰⁸ ЦИАМ. Ф.203. Оп.748. Д.88. Л.1.

²⁰⁹ ЦИАМ. Ф.203. Оп.748. Д.88. Л.1; ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.4313. Л.1–3, 15.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.